18+

Геннадий Шаевич

ИЗ ЖИЗНИ ЭНТОМОЛОГОВ, или ТЕОРИЯ «НЕИДЕАЛЬНОЙ МОНЕТКИ»

Геннадий Шаевич

Из жизни энтомологов, или Теория «неидеальной монетки»

«Издательские решения»

Шаевич Г.

Из жизни энтомологов, или Теория «неидеальной монетки» /
Г. Шаевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-597403-7

На конспиративной квартире в Тель-Авиве при загадочных обстоятельствах убит сотрудник посольства Аргентины. Полиция подозревает его в работе на секретные службы. К расследованию подключается контрразведка Израиля. В разгар холодной войны при Главном разведывательном Управлении СССР создаётся элитное подразделение, занимающееся ликвидацией нацистских преступников, избежавших наказания после Второй мировой войны. Действия политического триллера происходят на территории Израиля, Аргентины и России.

ISBN 978-5-00-597403-7

© Шаевич Г.
© Издательские решения

Содержание

Книга первая 6
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Из жизни энтомологов, или Теория «неидеальной монетки»

Геннадий Шаевич

Имена героев и большинство событий – вымышлены. Совпадения – случайны. Некоторые исторические факты, к сожалению, – достоверны.

© Геннадий Шаевич, 2023

ISBN 978-5-0059-7403-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая

27 февраля 2016, Тель-Авив

– Дэвид, тебе невозможно дозвониться, – голос у Мириам был явно взволнован, – приезжай срочно, адрес в Неве-Цедек я тебе уже послала на телефон.

– Что случилось? Сегодня выходной, к тому же я предупреждал, что буду на дне рождения. Меня Ройзман замещает. И вообще, что там за вселенский пожар?, – он вышел в соседнюю комнату, чтобы не мешать празднованию юбилея отца.

– Горим ярко, как обычно. Хотя и не совсем по-тихому, с канонадой. Знаешь, не будем играть в испорченный телефон, ты давай быстрей приезжай и сам всё узнаешь, мы без тебя начинать не будем. Там пока только ребята из криминологической лаборатории работают. И ещё, ты должен знать…

– Что «ещё»? Да что там в конце концов произошло?, – Дэвид почувствовал лёгкое раздражение из-за предчувствия неприятностей.

– Там, ты не удивляйся, люди из Шабак. И они хотят видеть только «самого Меира», поэтому пришлось тебя выдернуть из дому. Кстати, одного из них, Захави, кажется, я уже встречала. Он из департамента безопасности и контрразведки. Так что, готовься к битве за честь и достоинство полиции Израиля. Шучу.

– Даже так? Ну, ты умеешь настроение в выходной день испортить. Хорошо, я уже в пути. Минут через двадцать буду на месте.

Суперинтендант Дэвид Меир, начальник оперативного отдела территориального управления полиции Тель-Авива привык к таким экстренным вызовам. Конечно, сегодня, в день празднования семидесятилетия отца, это было особенно некстати, но, что поделаешь. Надо ехать. Работа есть работа. Особенно, если случилось что-то серьёзное, да ещё и с участием в деле Шабак. Он поцеловал маму и постарался, как смог, её успокоить. Уже убегая, Дэвид извинился перед расстроенным отцом и гостями, забрал из сейфа пистолет, накинул пиджак, скрывающий табельное оружие и выскочил на улицу.

«Хорошо, что я сегодня на «Харлее» – доеду быстрей. А ещё расстроился, что в суматохе праздника выпить не успел.

Так что там всё-таки такое произошло, что надо было выдернуть меня из дому именно сегодня», – предчувствие неприятностей испортило настроение окончательно.

«И при чём здесь Шабак. И ещё отдел контрразведки. Странно. Неужели замешан кто-то из иностранцев или политиков. Этого мне ещё не хватало для полного счастья.»

Дэвиду уже приходилось не раз работать с ребятами из управления безопасности и они всегда находили общий язык. Он никогда не старался в расследованиях тянуть одеяло на себя, но и дело своё делал толково, без оглядки на должности и звания. Когда ему удавалось выяснить что-то важное, он не скрывал полезную информацию и делился с коллегами из смежных ведомств тем, что знал. К тому же Дэвид никогда не стеснялся, если надо было обращаться в Шабак. В конце концов они делали одно дело. Да, и потом, контрразведка располагалась в иерархии спецслужб этажом выше полиции, а значит и погоны шире, и звёзды на них ярче, и почести громче.

Район Неве-Цедек был Дэвиду хорошо знаком ещё с раннего детства. Он вырос недалеко, двумя кварталами дальше по направлению к морю. Здесь же закончил начальную и среднюю школу, впервые закурил и выпил вина, на этих улицах он знакомился с девочками и ходил с друзьями на дискотеку. Влюблялся, дрался, взрослел, набирался опыта. В общем, места были хорошо знакомые, набеганные. Правда, потом, в старших классах, их семья переехала в собственный дом ближе к Яффо, но добрые воспоминания детства навсегда остались лёгким запа-

хом беззаботного счастья и вкусом мороженого из кафе на набережной Иерусалимского бульвара.

Когда Дэвид подъехал по указанному адресу, все действительно, были уже на месте. Похоже, ждали только его. Он увидел стоящую невдалеке своего заместителя и помощницу шеф-инспектора Олдмен и направился к ней.

– Мириам, ну что там слышно на передовой? – на ходу спросил он.

– Наверху в доме двое пострадавших: мужчина мёртв, женщина ранена, похоже не очень тяжело, хотя точно не знаю. Во всяком случае крови было много. Её только что забрала скорая в больницу, врач сказал, что постараются довезти, – Олдмен шла рядом, докладывая на ходу, – квартира непростая и недешёвая, по внешнему виду и моему женскому чутью не исключено, что она предназначена либо для специальных встреч обеспеченных любителей небесплатного секса, либо, что совсем было бы плохо, на зарплате у спецслужб или криминала: холодильник пустой, личных вещей практически нет, зубные щётки отсутствуют. Зато обставлено современно и дорого. Чисто, пыли нигде нет, проветрено, не запущено, как это бывает в нежилых квартирах. Даже туалетная бумага свежая, не слежавшаяся.

Убийство произошло в салоне, кровать в спальне не разобрана. Наверное, не успели воспользоваться. Бельё на кровати заправлено свежее. Ванной комнатой и кухней тоже не пользовались.

Пистолет с глушителем системы Глок, предположительно орудие убийства, аккуратно лежит на столе. Красиво так, как на выставке. Тёпленький ещё. При первичном осмотре в стволе присутствуют запах и следы недавнего выстрела.

– Ладно, понял. Что-нибудь уже известно о жертвах? Проверили по картотеке, кто такие эти герои-любовники?

– Знаешь, с мужчиной Шабак разбирается, спроси у них, мы его пока не трогали. Но, я слышала одним ухом, похоже кто-то из дипломатов. Про женщину пока ничего не известно, документов при ней не оказалось. Фотографию сделали, отпечатки пальцев сняли, анализ на ДНК взяли. Ждём ответа из банка данных. Они обещали поторопиться, но сказали, не раньше завтрашнего вечера.

– Хорошо, спасибо и на этом. Кто там сегодня дежурный из криминалистов?

– Тебе повезло, бригада Каца.

– Да, действительно повезло. Хоть в этом. Ну, пойдём посмотрим на вашу красоту.

Эйтан Кац, медицинский эксперт-криминалист, лысеющий полный мужчина лет за пятьдесят, сидел у входа в здание на раскладном кресле, которое таскал всегда с собой, и курил свои вонючие сигары, делая вид, что вся эта суета его совершенно не касается. Но, кто был знаком с ним уже давно, понимал, что за этим напускным спокойствием и отстранённостью под его лысиной скрывается напряжённый мыслительный процесс.

– Дэвид, приветствую тебя. Ну, хоть одно приятное лицо – твоё. Что, тоже не отдыхается в выходной день? Курить будешь? Сигары отличные, колумбийские. Не эта кубинская кислятина, закрученная на потных женских коленках работниц и затем склеенных на станке, а настоящие колумбийские, изготовленные лучшими мастерами вручную. Страшно дорогие. Но, для тебя не жалко, – Кац начинал разговор всегда с одного и того же.

– Эйтан, не начинай за рыбу гроши. Рассказывай, что там такое набедокурили бандиты-разбойники? И можешь сразу версии выдвигать, я ревновать и обижаться не буду.

– Ну, мои ребята ещё работают. К тому же, ковбои из Шабак под страхом смерти запретили что-то говорить. Но, тебе по старой дружбе и большой любви скажу, так уж и быть, – он затянулся и выпустил струю вонючего дыма, – короче, странно всё. В мужчину стреляли трижды. Первый раз в правую ногу, при чём в колено и с близкого расстояния. Второй выстрел был в сердце с расстояния в метр – метр двадцать. Как в тире, легло в десяточку, я думаю,

в районе левого предсердия. Сердце остановилось сразу. Ну, а третий – через какое-то время в голову. Уже холодному и неживому трупу. Ничего странного не замечаешь?

– Что-то хотели узнать – поэтому сначала в ногу? Ты тоже так думаешь?

– Ну, думать – это тебе положено. У тебя зарплата выше и волос побольше. А мы со своим интеллектом так, погулять вышли. Предположу однако, что стрелявший собирался всё-равно убивать, но сначала хотел что-то выяснить. Иначе зачем колено портить, можно было сразу в сердце. Если убивать не собирался, а хотел только напугать, можно было в бедро – крови больше, выглядит ещё страшнее. Второй выстрел был уже смертельный – тогда зачем ещё в голову? Показательная казнь? У меня есть пару мыслей, но поговорим после вскрытия. А пока иди, там тебя уже конкурирующая фирма «а-ля Джеймс Бонд» заждалась, копытами бьют от нетерпения.

– Эйтан, дорогой, ты ещё забыл мне спеть своим красивым тембром любовную арию про несчастную девушку с пулевым отверстием в теле, и её неразделённую любовь к убиенному.

– Ну, хватит с тебя счастья на первое время. Я её толком и осмотреть то не успел. Хотя, знаешь… Красивая женщина. Породистая. Королева. Такие созданы только для любви, но не для счастья, уж очень хлопотно с этими красотками. Эх, где мои молодые годы! Наверное, там же, где и волосы, – Эйтан снова затянулся, – в общем так, слушай сюда внимательно, повторять не буду: выстрел в неё был самым первым, всего один, слева от сердца, ниже ключицы, в мягкие ткани. Навылет. Ничего не задето, может сосуд какой периферический зацепило по касательной, потому и крови много. Стреляли очень профессионально, должен тебе сказать. Как будто не собирались убивать, только попугать или отключить. То ли пожалели, то ли лишний грех на душу брать не захотели. Но, странно, мужика наповал тремя выстрелами, а на неё всего один, да и то больше косметический. Гильзы все на месте. Пуля, прошедшая на вылет у девушки, застряла в стене напротив. Достанем – проверим, но она точно из этого пистолета. Ладно, всё. Иди, работай, я тебе и так уже много наболтал, ещё посадят за разглашение государственной тайны. Придётся тебе для старого лысого еврея передачи в тюрьму таскать.

Дом был из тех современных новомодных построек в стиле «Баухаус», что располагали всеми атрибутами дорогого, но не стандартного типового жилья: шлагбаум на въезде, консьерж-охранник, свой бассейн и тренажёрный зал в цокольном этаже рядом с подземной парковкой, два лифта, террасы с внутренним садом и видом на море из каждой комнаты.

Квартира на третьем этаже была обставлена в современном стиле, но, несмотря на дорогую обстановку, Мириам была права, не чувствовалось вкуса хозяина. Разрозненная мебель, которую подбирали по цене, а не по качеству интерьера. К тому же, по всей видимости, тут и в самом деле давно не жили, хотя убирались, похоже, регулярно.

Ребята из Шабак уже действительно были на месте и молча наблюдали за работой бригады криминалистов. Бен Захави – сотрудник отдела контрразведки, или вроде говорили, что он уже начальник, поднялся навстречу. Дэвид с ним и вправду давно был знаком, ещё со службы в армии. Близко не дружили, вне работы почти не общались, но при встречах явно симпатизировали друг другу.

– Дэвид, надо поговорить наедине, пойдём куда-нибудь в укромное место, – Бен кивком показал направление и первым вышел на террасу.

– Курить будешь? Нет? Ну, как хочешь. Тут такое дело… Всё, что я скажу, должно, сам понимаешь, остаться в абсолютной тайне. Только твоим ребятам из отдела, непосредственно занимающимся этим делом можно рассказать. В общем, убитый – второй атташе аргентинского посольства. Некий Карлос Биркнер. Мы подозреваем, что он работал под прикрытием на аргентинскую разведку. Доказательств прямых нет, но ведём мы его уже давно, третий месяц. Мутный тип и скользкий. Ещё есть непроверенные сведения, что он был связан с антиизраильскими кругами в Южной Америке и здесь вступал в контакты с хамасовцами. Всё рас-

сказать тебе не могу, но и помощь твоя очень нужна: понимаешь, Шабак пока не хочет светиться и показывать свою заинтересованность. А вдруг простая уголовщина, хоть и не похоже, а мы тут огород нагородим. Начальство согласовало с твоим управлением, что дело будешь вести лично ты. Покопайтесь, поищите, поспрашивайте. И нам не забудьте сообщить, если что интересное про пострадавших нароете. Наше ведомство пока останется в тени, но можешь рассчитывать на любую помощь. Конечно, в известных пределах. Если что – звони мне лично на мобильный. В любое время. Ну, пока, будем на связи, – Захави натянуто улыбнулся, похлопал Дэвида по плечу и вышел.

29 февраля 2016, Тель-Авив

– Ну что, друзья мои, заходите, закрывайте дверь и можете садиться. Руби, налей сначала всем кофе, что бы не уснули, и рассказывай, что накопал по квартире, дому и владельцу жилища. Мириам, будь любезна, отойди от кондиционера, ты мне нужна живая и здоровая. Шмая, возьми печенье и конфеты в шкафу слева. Вы наверняка все голодные. И чай для себя, будь добр, поставь – тебе кофе нельзя, мне твоя заботливая жена запретила наливать любимому мужу крепкие напитки. Ну, хорошо, хватит уже «шуток юмора», докладывайте по делу, – Дэвид Меир снял пиджак, налил себе кофе с большим количеством молока и ложечкой сахара и приготовился записывать. Он привык по-старомодному всё фиксировать на бумаге и даже иногда делать зарисовки. Так легче думалось и лучше помогало впоследствии анализировать услышанное от коллег.

– Значит так, Дэвид, ты был прав – квартирка оказалась не простая, – субинспектор Руби Нейман пришёл в отдел всего месяц назад сразу после университета. Это было его первое серьёзное дело, и он очень волновался, стараясь оправдать доверие, – квартира официально принадлежит некому Рону Гурвиц, восемьдесят семь лет, проживает уже седьмой год в доме престарелых «Мишан» на Бродецки 68, куда попал сразу после смерти жены. Одинокий, детей и других родственников нет. Страдает прогрессирующей формой деменции и полной потерей памяти уже в течениие пяти лет. Пенсия государственная, инженерная, семь тысяч шекелей в месяц. Я пытался с ним поговорить – но бесполезно: он вообще не понимает, кто он, где и зачем.

По документам налогового реестра квартира была куплена год назад за четыре миллиона девятьсот девяносто девять тысяч шекелей. Видно тысячу сумели выторговать, – Руби улыбнулся, показывая, что он тоже умеет шутить.

Оплата производилась со счёта, открытого за две недели до того в банке «Леуми». На него деньги поступили с трёх других счетов: двух во Франции и одного в Люксембурге. Я уже отправил запрос в министерство внутренних дел этих стран. Предполагаю, ответы будут не скоро, но посмотрим, что покажут.

– Думаю, это ничего не даст, наверняка счета-однодневки. Но, всё равно правильно сделал. Что дальше?

– На договорах о купле квартиры и в банке на формулярах – везде одинаковая подпись. Я отправил нашим графологам для проверки, но врач из дома престарелых, я с ним говорил по телефону, уверяет, что Гурвиц уже больше года никуда, кроме больницы, не выезжал. Служащие банка к нему тоже не ездили, я выяснил. К тому же, Гурвиц всё-равно в силу своего состояния не имеет права подписи, на это есть доверенное лицо от службы социального обеспечения. Но, там тоже про квартиру ни сном, ни духом. Подписи скорей всего поддельные, хотя очень похожи на оригинал, работа – высший класс.

По квартире, пожалуй, всё. На завтра планирую опросить соседей и посмотреть записи с видеокамер наблюдения в доме и на улице.

Вот, пожалуй, самое главное. И ещё: согласно заключению экспертов замок в квартиру убийца открыл отмычкой, но очень быстро, чисто и профессионально, почти без царапин. Признаков ДНК, отпечатков пальцев и других следов в квартире ничьих, кроме обоих фигурантов, не нашли. Что почему-то не удивляет. Орудие убийства – пистолет системы Глок 19 по нашей базе данных не проходит. Вообще новенький, заводской, с номером, выпущен три месяца назад в Австрии. Полицию вызвал консьерж-охранник. Он из бывших военных, наблюдательный. Ему не понравилось, что из этой квартиры заказали по телефону в ресторане еду, а дверь доставщику не открыли.

– Хорошо. Завтра после опроса доложишь мне лично и обязательно копии видео с камер наблюдения прихвати. И осмотрись по камерам с соседних зданий, может там что-нибудь зафиксировали.

Мириам, что у тебя по девушке?

– О раненой красотке выяснили следующее, – Мириам Олдман, привлекательная женщина тридцати двух лет и заместитель начальника отдела закончила юридический факультет в Тель-Авиве, проработала два года в адвокатуре и, не выдержав тихой и сытой жизни, совершенно необъяснимо для окружающих и родственников, перешла на работу в полицию, причём сразу в оперативный отдел. Мириам была замужем, но детей пока не имела. Поговаривали, что в семейной жизни она была не очень счастлива по причине своей безответной и безнадёжной симпатии к шефу. Но явно её чувства в отношениях с Дэвидом не проявлялись и работе не мешали.

– Итак, девушку зовут Мари Галан, двадцать семь лет, не замужем, детей нет. Известно, что она выехала в 1991 году в Германию из города Волгограда в России по еврейской иммиграции в возрасте двух лет. Родители – как в анекдоте: папа инженер-строитель, мама учительница младших классов, поэтому прибыли без капитала. Во всяком случае, на таможне при въезде в Польшу задекларировали всего двести долларов. Однако оба почти сразу нашли работу и даже по специальности, что в Германии в те годы было очень непросто. Через пару лет встали на ноги – дом в кредит в городе Лейпциге, машина по лизингу, путешествия по миру, короче всё, как обычно, у русских иммигрантов. Полный набор. Трижды приезжали в Израиль, максимум находились на земле обетованной две недели. В основном посещали многочисленных родственников по всей стране с обязательным заездом в Иерусалим и Эйлат. Нигде не засветились, кроме двух штрафов за превышение скорости. По интернациональной картотеке не проходят.

Девочка училась в школе хорошо, но ничем особым не выделялась. Стандартный еврейский набор: музыкальная школа по фортепиано, шахматы, плавание, фигурное катание, но везде без особых достижений. Мне переслали её школьный аттестат и характеристику – ничего интересного. В шестнадцать лет девушка неожиданно из гимназии отправилась по программе «Наале» в Израиль. После успешного окончания школы с отличием в Беер-Шеве решила остаться в стране на постоянное жительство. Прошла службу в армии в подразделении физиогномики и наружного наблюдения. Одна награда и два поощрения. Характеристика хорошая с предложением дальнейшей службы, но девушка от армейской карьеры отказалась. После армии сразу поступила в университет в Тель-Авиве на исторический факультет, который закончила с хорошим дипломом. Стажироваться отправилась во Францию в город Гавр в Нормандии на северном побережье страны, где находилась шесть месяцев, работая в архиве, городском музее и библиотеке. Затем дипломная работа по теме Холокоста в течение года в Москве и ещё шесть месяцев в Калининграде. Вернулась два года назад. А вот дальше выглядит всё очень странно и сомнительно. Официально она числится экскурсоводом в русскоязычной туристической компании, но экскурсии практически не проводит. Ещё работает – внимание! – и это уже интересно и даже в тему, в очень элитном эскорт-агентстве. Однако, в свободном доступе на сайте этого достойного трудового подразделения её нет. Эскорт для

очень «небедных». Там всё вообще достаточно мутно, надо разбираться. У девушки три счёта в двух банках: в одном – «Аполаим» на двух счетах примерно девять тысяч шекелей, в другом приватном банке «Массад» – около двухсот семидесяти тысяч. Неплохо для полу-безработного экскурсовода. Зато снимает приличную квартиру в Яффо за пять тысяч шекелей в месяц, явно не по доходам. Выписки счетов и движения денег на них из банков я ещё не изучила, но беглым взглядом посмотрела – всё стандартно, никаких «забегов в ширину», никаких намёков на криминал. Живёт одна, любовника вроде нет, любовницы тоже. Соседи по дому ничего не замечали, приходящих-уходящих гостей не видели. Примерно раз в полгода девушка летает в Европу. Иногда путешествует пару дней по классическим туристическим маршрутам, но чаще в Германию к родителям. Звонит им, как правило матери, два раза в неделю. Мы нашли ещё один телефон, но он на другое имя. Скорее всего, рабочий. В техническом отделе сейчас занимаются разбором звонков со второго телефона. Из больницы сообщили, что её состояние улучшилось, она в состоянии общаться, сегодня поеду, попытаюсь с ней поговорить. Вот, пожалуй, пока всё.

– Отлично, молодец, возьми вот эту шоколадную конфету, она с орехами, вкусная. И не бойся, не поправишься. В конце концов, мужчинам нравятся полные женщины. Шмая, удалось что-нибудь выяснить об убитом?

– Немного. Но кое-что накопал, – шеф-инспектор Шмая Долон расположился вальяжно в кресле у окна. Он был самым старшим и самым уважаемым в отделе и мог себе позволить принимать удобные и независимые позы. Ветеран двух войн, был ранен, имел награды. А ещё интеллектуал, умница, чемпион города по шахматам 1999—2000 годов, ценитель музыки и женской красоты. Дважды был женат и дважды разведён по причине большой заинтересованности в сменяющемся контингенте представителей женского общества, – было не просто, високосный год всё-таки даёт о себе знать, устал бегать по министерствам, но кое-какие связи у меня ещё остались. Даром что-ли столько лет у станка. В общем, известно не много. Посольство «дружественной Аргентины» сведений не даёт, сам понимаешь, ссылаясь на дипломатическую тайну. Но кое-что удалось выяснить неофициально и через знакомых в нашем министерстве иностранных дел. Итак: Карлос Биркнер, сорок два года, второй атташе аргентинского посольства, в Израиле находится три месяца.

О нём известно, что его дед – выходец из Германии, откуда выехал в конце 1945 года. Явно, просто бежал от союзников. Хотя, не исключено, что после фильтрации был завербован. Это я выясню. Звание, род службы и возможные «заслуги» перед человечеством во времена нацизма пока не известны, но установим по архивным данным. Запрос я уже послал. Отец Биркнера родился уже в Аргентине, у него свой бизнес по продаже бытового оборудования. Мать – аргентинка с испанскими корнями времён Франко, семья которой бежала после падения режима. Короче, родители его сошлись общностью интересов вероятно не только на интимной почве. Юноша окончил школу для одарённых детей «Ренасимиенто» в столице. Обучался три года на юридическом факультете стэнфордского университета в США, затем два года в университете Буэнос-Айреса. Стажировка в Колумбии один год, далее два года в Гамбурге и Берлине, Германия.

После окончания учёбы принят стажёром, а через три месяца на должность референта в аргентинское министерство иностранных дел, культуры и религии. Через год получает назначение в посольство Германии на должность второго атташе по культуре. Два года назад был переведён в посольство в России, там должность пока не известна, но тоже где-то на задворках. Теперь вот Израиль. Не женат, про детей ничего не известно.

Как видишь, не много. Но! Прошу внимания! Когда он работал в Москве, случилось, если помните, это громкое кокаиновое дело с контрабандой наркотика в посольстве России в Аргентине. В общем, есть слухи, что он был замешан. Но, конкретно, доказать ничего ни

российским спецслужбам, ни Интерполу не удалось. А может не сильно старались или кто-то помешал. Я обязательно в этом покопаюсь, может что-то интересное найду.

Ещё мне кажется довольно странным, что по возрасту и стажу работы он уже мог бы трудиться на должности полномочного посла в какой-нибудь Зимбабве, а он нет, везде на вторых ролях. Карьерный альтруист прямо какой-то. Поэтому, наводит на нехорошие мысли о том, что дипломатическая работа являлась не единственной радостью в жизни молодого человека, а главные помыслы и чаяния были посвящены службе на разведку под консульским прикрытием.

– Да, интересно. Значит так, Шмая, свяжись с Москвой по всем каналам, узнай про слухи о наркотиках. Надо знать точно. А заодно и про раненую девочку из эскорта поспрашивай, может у коллег на неё что-то осталось.

Выясни через американцев о времени учёбы Биркнера в Стэнфорде, возможно он у них засветился. И вообще, покопайся по-глубже в своём «шахтёрском» стиле, может что ещё нароешь.

Мириам, ты поезжай в эскорт-агентство. Выясни, кому принадлежит, кто клиенты, есть ли у них прикрытие, бухгалтерия. В общем прижми их к стенке по-крепче, как ты умеешь, только, пожалуйста, без пыток и стрельбы. Шучу я, шучу.

А я в больницу к раненой мадемуазель съезжу, попытаюсь сам с ней поговорить. Говорят, девушка симпатичная, может и мне что перепадёт по бедности, – Дэвид рассмеялся, – ладно, всё, за дело. Работаем, как всегда: быстро, но не суетясь.

24 февраля 2016, 17:10, Ашдод

«Мы прерываем нашу программу передач для важного экстренного сообщения: сегодня в 15: 29 в Ашдоде в районе Марины, в кафе на улице Онион произошёл взрыв самодельного устройства террориста-смертника. На месте уже работают медики из АмАН, полиция и пожарные. По сообщению сотрудника пресс-службы полиции известно, что погибших двое. Это Макс П., двадцати двух лет, студент Тель-Авивского университета. Также погибла официантка кафе Тара У. тридцати двух лет. Серьёзно ранена Леа К., двадцати лет, тоже студентка Тель-Авивского университета и спутница погибшего парня. Медики оценивают её состояние как критическое.

Ещё ранено семь человек, из них трое в тяжёлом состоянии. Всех пострадавших доставили в университетский госпиталь Ашдода. Лучшие врачи больницы борются за их жизнь. Обо всех изменениях мы будем сообщать дополнительно.

По последним данным взрыв произошёл по вине палестинского террориста-смертника, погибшего на месте. Его имя уже известно, это Мохаммад Р., девятнадцати лет из поселения Бейт Ханун в Газе. Пострадавших могло быть значительно больше, но у террориста пришло в действие только одно взрывное устройство из трёх.

На месте уже присоединилась к работе служба психологической помощи пострадавшим.

Сообщение для водителей: движение транспорта в районе Марины и улицы Лили перекрыто, объезд возможен по улице Эксодус.

О дальнейших событиях мы будем незамедлительно сообщать. Оставайтесь на нашем канале.»

24 февраля 2016, 15:16, Ашдод

Настроение у Тары испортилось второй раз за сутки. А ведь день начинался так хорошо: с утра позвонил тот самый симпатичный врач из «Сороки», извинился за ранний звонок, ска-

зал, что он после дежурства и предложил вечером встретиться, пойти куда-нибудь выпить и потанцевать.

Настроение подпортил младший сын. Он вдруг стал капризничать и не захотел идти в школу. Пришлось пообещать, что в выходные они все вместе пойдут на пляж купаться в море. А теперь ещё позвонила старшая дочь и сообщила, что мать срочно вызывают в гимназию к директору. Наверное, очередные проблемы с одноклассниками. Дочь всегда болезненно реагирует на упоминание о её африканском происхождении. Настроение у женщины испортилось окончательно.

С доктором-хирургом Тара Увада познакомилась в больнице три недели назад, когда он удалял ей аппендицит. Симпатичный подтянутый мужчина лет тридцати пяти обаял её сразу. Весёлый, с юмором и умными глазами – он нравился всем женщинам в палате. К его визиту пациентки готовились, как на свидание: прихорашивались, подкрашивались и старались принять в кровати максимально возможные после операции привлекательные позы. А он умел найти каждой доброе ласковое слово, поддержать, пошутить, приободрить. И ощупывал при обходе так нежно и осторожно, совсем не по-хирургически.

После осмотра при выписке доктор неожиданно, как бы в шутку, попросил у Тары её номер телефона и предложил встретиться, пообещав позвонить через пару недель, когда ей уже «можно будет всё».

Конечно, Тара понимала, что двое детей, которых она родила ещё в Эфиопии до иммиграции, несколько неудачных романов и работа официанткой в кафе – не лучшее «приданное» для свиданий с врачом – коренным израильтянином. Но, доктор ей очень нравился, к тому же у неё уже давно ни с кем ничего не было. Тара отчётливо понимала, что, если он только захочет, она будет согласна даже на непродолжительные романтические отношения с молодым человеком без обещания перспектив. Последнее время молодой женщине очень не хватало в жизни праздника. Во всех смыслах. А значит, надо устраивать его себе самой. Небольшое рандеву с доктором подходило для этого идеально.

После обеденного перерыва на работе Тара снова вспомнила о предстоящем сегодня вечернем свидании, и настроение опять улучшилось. Она допила кофе в комнате для сотрудников, посмотрела в зеркало, понравилась самой себе, улыбнулась, поправила причёску и направилась в зал.

Она заметила, как в кафе зашла молодая влюблённая пара. Они сели у окна, начали весело болтать и заказали у неё кофе с пирожными.

«Интересное сочетание: красивая яркая блондинка и ничем не примечательный, разве что серьёзным умным взглядом, молодой человек», – подумала Тара.

И тут на пороге появился этот странный арабский парень в длинной не по погоде куртке…

* * *

Максим Полянский никогда не пользовался успехом у девушек, хотя и был одним из лучших студентов исторического факультета Тель-Авивского университета. Но, как говорится, учёба – одно, а девушки – совсем другое.

Макс приехал в Израиль по еврейской иммиграции с родителями двенадцать лет назад из России в возрасте десяти лет. Абсорбция родителей проходила трудно. Они чувствовали себя в новой стране не совсем комфортно, язык не шёл, они не могли долгое время устроиться работать по специальности, трудились, кем придётся, лишь бы заработать. Особенно тяжело пришлось отцу – в прошлом известному в Красноярске архитектору. Он с трудом переносил свою профессиональную невостребованность и от его неустроенности, сложностей с языком и хронических депрессий страдала вся семья. Даже по прошествии нескольких лет родители

Макса так и смогли по-настоящему адаптироваться в стране. Они часто ссорились, обвиняли друг друга во всех грехах и в конце концов решили расстаться, чтобы не разрушить остатки взаимного уважения и приятных воспоминаний былой молодости. Макса эта ситуация сильно напрягала, ему было жаль родителей. Он видел их разочарование и недовольство своим решением иммигрировать, но и возвращаться уже было некуда. Там, в России, все мосты были сожжены, всё распродано, да и родственников никого не осталось. Разве что могилы на еврейском кладбище. Зато сам себе Макс казался настоящим израильтянином. У него не существовало ни языковых, ни ментальных проблем. И, хотя у молодого человека не было той безграничной внутренней свободы с налётом лёгкого пофигизма, которая есть у родившихся на этой земле сверстников и которая его нередко раздражала, тем ни менее в Израиле он чувствовал себя дома. Порой молодой человек испытывал лёгкий дискомфорт от того, что иногда его всё ещё воспринимают как «русского». Но, парень был достаточно умён и самодостаточен, чтобы уметь чувствовать себя выше подобных стандартных предубеждений.

Правда, среди своих однокурсников Макс считался этаким интеллектуальным батаном, которого уважали за ум, интеллект и дружелюбие, но на студенческие вечеринки и праздники звали редко.

Зато в университете он был на хорошем счету: целеустремлённый, знающий, начитанный, печатающий уже свои первые работы в профессиональных журналах – ему прочили большое научное будущее на кафедре университета и даже профессуру. Тема дипломной работы Макса была связана с Холокостом и посвящена тем евреям, которым в годы войны удалось бежать от нацистов с оккупированных территорий и спастись любой ценой.

А вот с прекрасным полом всё обстояло гораздо сложнее. При общении у парня появлялась не типичная для него скованность и робость, он терялся и не знал, как себя вести, и оттого старался себя убедить, что это всё только мешает, отвлекает, не важно и вообще не его. «Ты просто ещё по-настоящему ни в кого не влюбился. Когда встретишь ЕЁ, почувствуешь и силы, и вдохновение», – успокаивала его мать.

В коридорах учебных корпусов Макс нередко встречал Лею Козловски – девушку, которая ему очень нравилась, но никогда с ней не общался и не решался с ней заговорить. Впервые они познакомились и смогли поговорить совершенно случайно у Леи дома во время интервью Макса с её прабабушкой Саррой. Женщине хоть и исполнилось девяносто четыре года, но пожилая дама была в полном здравии, хорошо помнила события тех лет и охотно общалась с молодым человеком. Макс не знал об их родстве и был приятно удивлён, увидев у Сарры Лею, пришедшей проведать любимую бабулю.

Девушка слышала об этих интервью и ожидала увидеть застенчивого парня в очках, робеющего, как и большинство мужчин, в её присутствии. Но, при встрече Макс неожиданно оказался уверенным молодым человеком с хорошим чувством юмора и старомодной галантностью, так импонировавшей бабушке Сарре. Мама оказалась права: в присутствии Леи Макс становился совсем другим человеком, в нём появлялось его настоящее «я», а неуверенность исчезала практически бесследно.

Однажды после беседы с Саррой Козловски молодой человек всё-таки решился и пригласил Лею на свидание. Вернее, на концерт известного пианиста из России с мировым именем – Дениса Мацуева, билеты на которого он купил ещё год назад и ждал подходящего случая. На встречу Макс пришёл с букетом цветов, чем ещё больше поразил девушку. Это было непривычно, но, странное дело, приятно. Вечером, после концерта, он читал Лее стихи неизвестных ей поэтов Пастернака и Окуджавы в переводе на английский. Его ухаживания казались девушке необычными, но интересными и увлекательными. От них веяло романтикой старинных французских романов и любовными переживаниями викторианской эпохи.

Начало их романа было бурным. Леа не могла похвастать большим опытом любовных историй с мужчинами, для этого она была слишком разборчива в выборе партнёра. Девушка

считала, что разбрасываться эмоциональными переживаниями ради интимных встреч без каких-либо чувств – ниже её достоинства. Но, отношения с Максом было совершенно иными. У девушки никогда не было парней из русских: это был другой мир, другое восприятие отношений между людьми, интимности между мужчиной и женщиной, иной уровень взаимоуважения. Театры, концерты и выставки отличались от модных баров и дискотек, куда парни приглашали девушку чаще всего, стараясь поразить размахом. Букеты цветов, посвящённые девушке стихи, неожиданные сюрпризы, поездки в незнакомые места – первое время Леа растворялась в искренних чувствах молодого человека

Макс был влюблён по-настоящему. Даже больше, чем Лее этого хотелось. Юноша не скрывал своих чувств и, наверное, надеялся на более серьёзные отношения, чем порой настораживал девушку. Он даже познакомил Лею со своей мамой – приятной, тихой женщиной. Они жили вдвоём в небольшой и недорогой квартире недалеко от автовокзала. Лею сразу поразило в их квартире то, что треть пространства каждой комнаты занимали стеллажи с книгами и старомодными пластинками, привезённых ещё из России. А ещё нежные доверительные отношения между матерью и единственным сыном.

Её чувства к Максу не были ни любовью, ни страстью. Скорее восхищением его интеллектом и целеустремлённостью, необычностью его взглядов на мир и стойкостью жизненных ориентиров. Ей льстило его влюблённость, но, к сожалению, не более того.

Через несколько месяцев романтическое увлечение Леи прошло, чувство необычности ухаживания притупилось, ей всё слегка наскучило и стало тяготить. Волшебство нетривиальных отношений с мужчиной испарилось. Девушке, словно воздуха, стало не хватать её прежней свободной жизни. Её непредсказуемости, разнообразия и ощущение праздника. Она устала всё время стараться соответствовать идеалу. Леа была молода, свободна и, к сожалению для Макса, не любила его.

Когда Макс под предлогом очередного сюрприза позвал Лею на встречу в кафе на набережной в Ашдоде, она решила, что это хорошая возможность с ним поговорить, постараться всё объяснить и предложить расстаться, оставшись друзьями, пока всё не зашло слишком далеко. Она не видела и не представляла своего будущего с Максом и не хотела обижать и оскорблять его, подавая надежду.

В кафе они сели у окна, весело болтали ни о чём, позвали миловидную темнокожую официантку и заказали кофе с мороженым для Леи и чай с пирожными для Макса. Девушка хотела сначала подготовить парня к разговору и разрядить обстановку.

А потом зашёл этот странный арабский парень в длинной не по погоде куртке…

* * *

Леа Козловски имела два решающих фактора, серьёзно мешающих ей в жизни и не дающих чувствовать себя абсолютно комфортно в компании сверстников: происхождение и внешность. И, если происхождение из очень богатой и влиятельной семьи потомственных израильских ювелиров, владеющих двумя десятками известных ювелирных магазинов не только в стране, но и в Европе и Америке, можно было скрыть, то с внешностью дела обстояли значительно сложнее. Она была высокой красивой блондинкой с рыжим отливом в волосах, выразительными зелёными глазами, впечатляющей фигурой, ногами модели и высокой грудью. К тому-же девушка была умна, начитана и несколько старомодно воспитана, что тоже придавало ей определённый шарм.

Леа училась на втором курсе архитектурного факультета в Тель-Авивском университете и всего месяц назад переехала из семейной виллы, расположенной в престижном квартале Ришон ле-Цион, в студенческий городок, сняв там небольшую, но очень уютную квартиру с одной спальней.

У неё не было проблем с родителями, даже наоборот, они очень дружили, особенно близка Леа была с отцом. Просто, девушке хотелось иметь возможность начать самостоятельно жить, самой принимать решения и самой нести за них ответственность. И ещё, поменьше беспокоить родителей, когда она задерживалась на студенческих вечеринках или оставалась ночевать у подруги. А, возможно, и у друга.

Семья Леи жила уже в четвёртом поколении в стране, почти с самого момента образования государства Израиль, но корни её родителей, вернее отца, уходили в польское еврейство. Ещё в прошлом веке, до второй мировой войны и немецкой оккупации их семья жила в Кракове. Прадед Леи – Исаак Пуриман – имел собственное архитектурное бюро, среди клиентов которого были многие известные и обеспеченные люди города. Семья прабабушки по фамилии Френдлих уже тогда владела несколькими ювелирными магазинами в городе и ещё одним в Варшаве. Они были известны, богаты, занимались меценатством и благотворительностью. Молодые Сарра – прабабушка Леи – и Матек поженились перед самой войной в марте тридцать девятого. И именно тогда к Сарре перешла по наследству фамильная драгоценность. Вернее, даже не драгоценность, а скорее реликвия, передающаяся по наследству старшему ребёнку в день свадьбы. Сарре исполнилось восемнадцать, когда он вышла замуж, и потому родители вручили ей шкатулку с кольцом прямо перед началом церемонии Хупы. Это было золотое кольцо с камнем, но не обычное, а с бриллиантом в 279 карат! По преданию, его приобрёл один из основателей династии в далёком 1812 году, купив драгоценность за бесценок у генерала отступающей наполеоновской армии, покинувшей разграбленную Москву. Генерал крупно проигрался в Кракове в карты, ему срочно нужны были наличные деньги, и он продал кольцо местному ювелиру – прадеду Сарры по материнской линии – практически за бесценок. По слухам, кольцо принадлежало одной из первых особ русского царствующего двора и имело название «Святая Мария». Оно каким-то образом попало к французскому генералу и было вывезено им из горящей Москвы во время отступления. В итоге кольцо оказалось во владении семьи Френдлих, а в последствии Козловски. С тех пор драгоценность хранилась в частном банке в специальной ячейке, доступ к которому имел исключительно владелец кольца. Банковский код доступа менялся каждый раз, когда менялся наследник, владеющий фамильной реликвией.

Леа не пошла по стопам отца и решила посвятить себя исторической архитектуре. Стройность линий и красота каменных строений привлекали её гораздо больше, чем блеск ювелирных изделий. Она планировала продолжить учёбу где-нибудь в Европе с её старинной архитектурой, изящностью построек и средневековым антуражем. Девушке хотелось простора действий, полёта и размаха фантазии, свободного дыхания полной грудью и неограниченных возможностей действий.

26 сентября 1939, Краков

Уже через две недели после начала немецкой оккупации Польши в 1939 году по специальным спискам евреев, приготовленных заранее работниками городской управы, всю семью Козловски ночью арестовали и направили сначала в сортировочный лагерь в пригороде Кракова. Через две недели всех из лагеря поездами переправили в Варшавское гетто. Всех, кроме Сарры. Она была беременна на восемнадцатой неделе и её заранее решили на всякий случай укрыть от возможных неприятностей и положить на сохранение в католическую больницу, куда фашисты в эти первые дни войны заходить ещё не решались. Чувствовала она себя хорошо, но предусмотрительные родители, посоветовавшись на семейном собрании, настояли и спрятали девушку от греха подальше. Тем удивительнее было внезапное появление отца в палате на третий день пребывания в больнице. Однако, он пришёл не один, а в сопровождении немец-

кого офицера – импозантного и даже привлекательного мужчины около сорока лет с вежливой улыбкой на лице, аристократичными манерами и сносно говорящего по-польски.

– Сарра, доченька, собирайся, у нас очень мало времени, – таким взволнованным, испуганным и несдержанным девушка видела отца чуть ли не впервые. Пан Козловски был скорее человек спокойный и рассудительный. Суетиться и бояться было не в его духе.

– Что случилось, папочка? Тебя выпустили? А где мама, Мила и Матек? С ними всё в порядке?

– Потом, девочка моя, потом. Ты главное не волнуйся, я скоро тебе всё объясню. А сейчас тебе нужно побыстрее собраться. По дороге поговорим. У нас очень мало времени. Возьми только самое необходимое.

В машине офицер сел рядом с водителем, а девушка с отцом расположились на заднем сидении, прижавшись друг к другу.

– Доченька, солнышко, слушай меня внимательно и запоминай, это жизненно важно. Через примерно три часа нас вывезут к словацкой границе и там мы расстанемся. Не перебивай, так надо. Ты сядешь на поезд до Братиславы, это около пяти часов. Оттуда за сутки доберёшься на автобусе до Триеста. Я всё продумал. Морское сообщение между Италией и Южной Африкой пока ещё работает. Ты должна любой ценой добраться до Кейптауна, там у меня есть надёжный человек – мой давний компаньон и старинный преданный друг. Адрес его я тебе дам. И письмо с рекомендацией, которое я уже написал. Он тебе во всём поможет на первое время.

– Папа, я одна без вас никуда не поеду! Я не смогу без тебя и мамы, без мужа, без сестры, – на глазах у девушки выступили слёзы.

– Доченька моя, ты себе не представляешь, но то, что сейчас творится в стране – это настолько ужасно, что даже не верится в реальность всего происходящего. Это – катастрофа! Я тебе не могу передать, что нам приходится переносить. Марека и его родителей забрали отдельно. Что с ними и где они, я не знаю.

Ты сейчас никому из нас не поможешь, но сама ты должна спастись. Обязана! И помни, самое главное – это то, что ты носишь под сердцем ребёнка – будущее нашей семьи, гарантию сохранения нашей фамилии, фамилии мужа. Ты должна выжить. Понимаешь? Ради нас всех.

Прости, но у нас очень мало времени, поэтому оставим эмоции. Теперь по делу. Сейчас я незаметно передам тебе два камня. Это редкие красные бриллианты, великолепные по качеству обработки, очень дорогие. Спрячь их так, чтобы не могли найти, – отец перешёл на идиш и тихо шептал на ухо дочери, – один продай в Братиславе ювелиру Микусу в старом городе. Мы с ним были знакомы, встречались. Передай ему привет от меня и скажи, что немцы скоро доберутся и до Словакии, пусть не надеется на их порядочность и уезжает. Микус купит один камень по хорошей цене, на эти деньги тебе должно сполна хватить средств, чтобы добраться до Южной Африки и там обстроиться на первое время. Второй камень сохрани на будущее, где бы оно у тебя не было. При разумном расходовании средств на эти деньги можно продержаться минимум два-три года. Тут ещё я собрал немного наличных денег на дорогу до Братиславы, пригодятся.

Машина переехала польскую границу и встала на обочине за сто метров до пограничного поста Словакии. Отец и дочь стояли уже несколько минут молча обнявшись, не в состоянии расстаться. У обоих текли слёзы. Наверное, каждый из них понимал, что они прощаются навсегда, и от этого разрывалось сердце. Немецкий офицер с бесстрастным лицом молча курил в нескольких метрах.

– Доченька, родная моя, тебе нельзя плакать, ты должна беречь ребёнка.

– Да, папочка, да.

– Пани Козловска, – немецкий офицер подошёл ближе, – я очень сожалею, но у нас не так много времени, а нам ещё с вашим папой долго возвращаться. Вот это ваши бумаги, тут стоит другая фамилия, но это неважно, по ним вы можете смело пересекать любую границу. Это

ещё сопроводительный лист райхсминистерства финансов о ваших полномочиях, с ним вас никто не имеет права осматривать. Как минимум до Триеста. А там уже не страшно, доберётесь. Счастливой дороги. Ну, что ж, пожалуй мою часть соглашения я выполнил. Теперь ваша очередь, пан Козловски.

– Доченька, ты прости меня, но у меня не было другого выбора. Ты должна сейчас мне сказать, только очень тихо и на ухо, твой новый код банковской ячейки, где хранится кольцо «Святая Мария». Прости меня, солнышко, но у меня не было другого выхода. Это было моё соглашение с ним и наша плата за то, что ты с ребёнком сможешь беспрепятственно покинуть Польшу. Он откуда-то знал о кольце и искал его целенаправленно, поэтому и вытащил меня из Варшавского гетто, чтобы заключить сделку. А мама и сестра пока остались там в качестве заложников и гарантии, что я соглашусь. Видишь, у меня не было другого выхода. Возможно, мне удастся освободить Милу и ещё кого-нибудь из нашей семьи. У меня осталось ещё пара козырей: наши сбережения и драгоценности в варшавском банке. Так что мы ещё поторгуемся с немцами и поборемся! Понимаешь?, – отец попытался улыбнуться.

– Да, папочка, я всё поняла, но, это так невыносимо тяжело, – девушка прошептала банковский код отцу на ухо, застонала от бессилия и отчаяния, а из глаз потекли слёзы, которые она была не в состоянии сдержать, – я очень люблю вас!

– Прощай, моя девочка, счастье моё, прощай. Ты только выживи! Обещай!

Машина уехала. Девушка стояла ещё какое-то время, не в силах сдвинуться с места, как вдруг почувствовала, как в самом низу живота прошла тёплая нежная волна, заставившая её на мгновение забыть обо всём, что произошло за последнее время. Это было первое шевеление ребёнка, на две недели раньше положенного срока. Девушка ощутила новый прилив сил и необходимость дальше жить и бороться. Она вытерла слёзы, взяла сумку с вещами и двинулась в направлении пограничного поста.

Больше никого из своих родных Сарра Козловски никогда не видела. Её родители были убиты и сожжены в сентябре 1942 года в концентрационном лагере Аушвитц.

* * *

Сарра благополучно, хотя и не без трудностей, добралась через Триест до Кейптауна. Друг отца, как и обещал, помог ей на первое время с жильём и восстановлением документов на её настоящее имя. Через пять месяцев Сарра Козловски благополучно родила сына Лео. Ещё через год она окончила курсы воспитателей и устроилась на работу в детский садик в «цветном» районе номер шесть Кейптауна, куда пристроила и сына. Она работала, растила сына и оставалась одна. В 1948 году, сразу после образования государства Израиль, Сарра, не раздумывая, переехала в землю обетованную, сняла жильё в городе Ашкелон на побережье Средиземного моря, где уже в январе 1949 года начала работать учительницей младших классов в школе Неве Декалим.

Сарра много раз пыталась найти следы своих родителей, сестры, мужа, но единственное, что ей удалось выяснить по запросу в «Красный Крест», так это те факты, что её родители были расстреляны осенью 1942 в Аушвице, а родители Марека были убиты примерно в это же время в лагере Майданек. О Миле сообщалось, что она пропала без вести в конце 1939 года по пути из варшавского гетто в концлагерь. Это могло означать только то, что она, как и многие, погибла во время переезда, о чём не сохранилось никаких документов. И лишь только в 1951 году Сарре пришёл ответ на запрос из советских архивов, что её муж Марек Эпштейн погиб в мае 1944 года в лагере Майданек при невыясненных обстоятельствах.

Замуж во второй раз она вышла довольно поздно, в сорок лет, за своего коллегу, который многие годы ухаживал за ней, и переехала жить к мужу в Тель-Авив. Детей у них больше не было. Лео подрос и сам захотел получить образование ювелира. Знаю историю семьи, маль-

чик решил, что продолжить династию – это его долг. На деньги, полученные от продажи второго камня, вывезенного матерью из Польши, он, чтобы стать настоящим мастером, долго учился у различных специалистов по драгоценным металлам и камням в стране и за рубежом, затем вернулся в Израиль и открыл в Тель-Авиве свою первую мастерскую и небольшой магазинчик при ней.

Вскоре Лео женился на приличной девушке из хорошей семьи, приехавшей ещё в начале века в Палестину, через год у них родился сын. Дело, которое начал Лео Козловски, росло, появлялись новые магазины и мастерские. Сын Ади пошёл по стопам отца и, успешно закончив обучение в Штатах и практику в Южной Африке, перенял семейный бизнес, расширяя и укрепляя его. Остальные дети Лео получили хорошее образование и тоже остались жить и работать в стране. Семья Козловски росла, но главное, что удалось Сарре, как она считала, это исполнить волю и завещание отца, ради которого погибла вся его семья: она сохранила фамилию Козловски, проживающей в стране уже в четвёртом поколении.

Леа Козловски была правнучкой Сарры, младшей дочерью Ади, названным в честь деда Лео.

02 марта 2016, 09:16, Бейт-Ханун

«Мы продолжаем выпуск новостей. Сегодня в районе поселения Бейт-Ханун в Газе силами спецподразделения армии Израиля были полностью сравнены с землёй два частных дома, принадлежащих семье террориста-смертника, взорвавшего себя семь дней назад в Ашдоде. Тогда, напомним, погибли двое, серьёзно ранена ещё одна женщина и кроме того пострадали ещё семеро человек.

Операция «Неотвратимое возмездие» была успешно проведена после того, как служба информирования ЦАХАЛ за семьдесят два часа до начала операции оповестила всех жителей домов о запланированном сносе.

И ещё. Как нам стало известно, полиция Ашдода предполагает, что теракт был направлен на конкретное лицо, то есть не исключает заказного убийства. Но это только версия. В её пользу говорит то, что террорист-смертник взорвал устройство не в месте скопления большого числа посетителей в зале, а сделал это почти при входе, где было занято всего два столика. За одним сидели погибший парень с пострадавшей девушкой. Соседний столик был пуст. За несколько секунд до взрыва к ним подошла официантка, чтобы принять заказ.

Чтобы подтвердить или опровергнуть версию, полиция Ашдода начинала сбор информации о каждом погибшем и пострадавшем. Если вам что-то известно или есть что сообщить, звоните нам на канал по телефону горячей линии или в городское полицейское управление.

А теперь о погоде…»

22 апреля 1933, Потсдам

В середине весны 1933 года, когда в парковой оранжерее вовсю зацвели тюльпаны, а в саду начали наливаться почки на фруктовых деревьях, все мужские представители семьи фон Штрелах собрались в сигарной комнате родового поместья в Потсдаме на общий совет. Поводом для серьёзного разговора стало обсуждение перспектив профессиональной деятельности единственного сына Тео. Время обучения молодого человека в Берлинском университете по специальности «финансы и право» подходило к концу. Через два месяца он заканчивал дипломную работу под названием «Роль драгоценных металлов и камней, как основа долгосрочного вложения в личном сберегающем и накопительном вкладе», и наставал важный момент решать, куда он пойдёт работать по окончанию университета. Такие жизнеопределяющие решения всегда принимались на общем совете.

Глава и основатель крупного семейного банка, Карл фон Штрелах – отец Тео, настаивал, чтобы сын продолжил его дело и начинал работать для начала в банке на должности начальника отдела кредитов и финансирования. Это было надёжное, стабильное место с перспективами роста. Казалось бы, продолжение семейного бизнеса – его долг. Но, сам молодой человек этим желанием не горел. Он был не против решения отца продолжить династию, но его деятельная натура, не лишённая юношеского авантюризма, жаждала великих финансовых свершений, многомиллионных сделок и биржевых удач. И протирать штаны в скучном отделе кредитов претило его природному естеству. К тому же он стремился к самостоятельности.

Густав фон Штрелах – старший брат Карла и держатель двадцати пяти процентов акций банка, в семейные дела, равно как и в дела банка, вмешивался редко. Он – заслуженный боевой генерал в первой мировой войне, ушёл в отставку и занялся политикой, встав у истоков образования Ваймеровской республики. С 1927 года он постоянно избирался членом бундестага и был бессменным главой финансовой комиссии немецкого парламента. Своих детей у генерала не было и он относился к Тео, как к родному сыну.

– Я вот что подумал, – Густав фон Штрелах обладал сильным командным голосом, но сейчас говорил непривычно тихо, – наступают такие времена, что, боюсь, в частном банке работать будет непросто, да и ненадёжно. Я понимаю: семейные вековые традиции, финансовая династия, сыновний долг и прочее. Но, времена наступают другие, да и вообще, ситуация в стране и мире меняется. Гитлер стал канцлером и это, я подозреваю, надолго. Его НСДАП с такой мощной поддержкой у простого населения уже входит во все структуры власти, они подбираются к экономике и финансам, и тут ничего поделать нельзя. Нам придётся или играть по их правилам, или, возможно, рисковать всё проиграть и потерять. И тут на кону могут стоять не только деньги, но и свобода, и даже жизнь. Эти ребята не любят шутить, чего стоят только их лозунги о третьем райхе.

В свете этих новых реалий у меня появилась вот какая идея: мой давний соратник и хороший друг сейчас всё ещё возглавляет департамент кредитов и займов в райхсминистерстве финансов. Я думаю, он мне не откажет в просьбе помочь и возьмёт мальчика на работу к себе. Там перспективы лучше, да и работа в государственных структурах более надёжная. А может, он найдёт для него подходящее место руководителя одного из филиалов в государственном банке в других федеральных землях. Это вообще идеальная стартовая площадка в карьере и практически неограниченная финансовая свобода. Как раз то, что мальчик хочет.

И ещё. Мне кажется, будет разумно, если Тео вступит в ряды НСДАП. Подождите, не возмущайтесь, – боевой генерал по-армейски прошёлся по комнате, меряя её шагами, – выслушайте меня. Я уверен, скоро начнётся большое перераспределение мест во всех сферах жизнедеятельности: во власти, в армии, в политике и конечно, как следствие, в финансовом секторе. Уверен, благодаря партийному членству, у Тео появятся более серьёзные возможности и шансы получить одно из самых достойных мест в «подчищенном» национал-социалистами министерстве финансов или в государственном банке. Это серьёзно.

Да, мне самому не нравятся эти… выскочки. Но, что делать, мы должны думать о будущем нашего мальчика и о будущем страны. И тут надо включать все регистры, подключать все связи и тянуть за все нити. К тому же, дорогие мои, большие свершения не делаются в белых перчатках!

Мужчины замолчали, закурили сигары и задумались над сказанным. Тео был единственным сыном в богатой семье крупных немецких финансистов, владеющих солидным частным банком в Берлине. Кроме того семье принадлежали несколько владений: поместье в пригороде столицы, летняя вилла на Бодензее, охотничий домик в Шварцвальде и большое шале в швейцарских Альпах. Династия на века. Поэтому в наследника империи старались вложить всё, что позволяли немалые финансовые возможности семьи. Фон Штрелах занимались банковским делом уже в четвёртом поколении, поэтому в их подходе к воспитанию мальчика

не было желания выделиться или соответствовать новомодным влияниям, присущим представителям богемного круга или новоявленным нуворишам. Отнюдь. Сына воспитывали фундаментально, основательно, добротно. В него вкладывали деньги, словно инвестировали в будущее всей семьи, надеясь на хорошие «дивиденды». Лучшие преподаватели прививали ему вкус к математике и мировой литературе, носители языков обучали французскому, английскому, испанскому и русскому. Тео очень неплохо играл на фортепиано, занимался шахматами, умел держаться в седле, владел азами фехтования и кулачного боя.

Уже подростком отец старался по мере возможностей вовлекать сына в бизнес и брать с собой на переговоры и деловые собрания представителей финансового мира. С четырнадцати лет Тео уже, как взрослому, позволялось присутствовать при мужских разговорах, когда в их доме собрались друзья, знакомые и партнёры отца, уединявшиеся вечером в библиотеке для деловых бесед. Конечно, он не раз слышал рассуждения мужчин о проигранной первой мировой войне, потере территорий в Европе и колоний за рубежом, желании реванша и сложной политической ситуации в мире. Нередко в разговорах возникал и так называемый «еврейский вопрос». Особенно, когда речь заходила об их степени вины в произошедшем со страной и Европой в первой четверти двадцатого века. Но, в этих разговорах никогда не присутствовал ни воинствующий национализм, ни оголтелый антисемитизм, ни идеи об уничтожении. Поэтому Тео не вобрал в себя эти чувства. Однако, ощущение латентного антисемитизма впитались и сохранились у него на всю жизнь.

Однажды, глава семьи взял сына-подростка с собой на важные деловые переговоры в пригороде Берлина.

– Отец, зачем мы едем на встречу так далеко за город. Почему ты не пригласил своих партнёров в банк или к нам домой, если этот договор так важен для тебя?

– Видишь ли, сынок, всё не так просто. Сегодня я встречаюсь с представителями банковского дома, принадлежащего влиятельной еврейской семье. Сделка может стать для нашего банка очень прибыльным вложением, поэтому важна для меня. Но, я не хочу давать этим людям повод думать, что нас может связывать с ними что-то большее, чем просто бизнес.

Запомни, сынок, евреи – это не наш круг, не ровня настоящему немцу, не те, с кем стоит общаться вне деловых встреч и подавать руку. Справедливости ради надо признаться, что евреи, вопреки предубеждению недалёких антисемитов, являются серьёзными и надёжными финансистами. Им можно доверять в сделках, с ними прибыльно вести дела. Но, запомни сын на будущее: никогда, слышишь, никогда не впускай евреев в свой дом или в свою жизнь! Иначе потом придётся долго отмывать и то, и другое.

С тех пор у Тео фон Штрелах сохранилось чувство делового уважения, но в то же время и стойкое ощущение высокомерной брезгливости и нерукопожатности по отношению к евреям.

17 октября 1938, Берлин

В октябре 1938 года в кабинете в кабинете президента райхсбанка Хилмара Шахта находились кроме него ещё четверо мужчин: министр внутренних дел Генрих Гиммлер, президент рейхстага и официальный заместитель фюрера Генрих Геринг, личный секретарь Гитлера Мартин Борман и глава отделения райхсбанка по Лейпцигу Тео фон Штрелах. Молодому фон Штрелах уже не раз приходилось официально встречаться с первыми лицами государства, но вот так за одним столом за рюмкой коньяка и сигарой – такое случилось впервые.

– Прошу заметить, герр фон Штрелах, что наша встреча неофициальна, конфиденциальна и происходит по личной инициативе и просьбе фюрера. То, что вы сейчас услышите, молодой человек, имеет наиважнейшее государственное значение, абсолютно секретно и должно остаться, как вы понимаете, только в этих стенах.

А теперь к делу, – Хилмар Шахт прошёлся по кабинету и стал напротив Тео.

– Как вы знаете, наше правительство успешно проводит политику, направленную на очищение рейха от еврейского присутствия во всех сферах, а заодно и возвращения еврейского капитала, награбленного и незаконно нажитого за многие годы паразитирования на немецком народе, равно как и других народах Европы. Сейчас, когда наша доблестная армия добилась блестящих успехов в Австрии и Чехии, встаёт возможность и необходимость решения еврейского финансового вопроса не только в Германии, но и в этих странах.

– Я должен посвятить вас, дорогой друг, в далекоидущие планы фюрера: на будущий год Германия собирается победоносно войти в Польшу, затем должна пасть Франция, – Борманн затянулся сигарой, сделал маленький глоток коньяка, – и здесь нам, как никогда, понадобится ваша помощь.

– Я готов помочь Райху всем, чем смогу, – Тео был взволнован и горд одновременно.

– Вы, я слышал, неплохой специалист по драгоценным металлам и камням, вы изучали искусство и достаточно разбираетесь в картинах, скульптурах, антиквариате, – Гиммлер протёр пенсне и направил свой пристальный взгляд на собеседника, – к тому же вы надёжный человек, член НСДАП с 1933 года. У вас была блестящая защита диплома по интересующему нас вопросу, а сейчас вы руководите лучшим филиалом райхсбанка по всей стране. Вы происходите из очень уважаемой и достойной семьи. Вам можно, я думаю, смело доверить непростую, но очень важную для Райха миссию.

– Вы мне льстите, герр Райхсляйтер. Тем ни менее, я благодарю вас за доверие, и готов выполнить любую миссию, возложенную на меня немецким народом и фюрером, как бы сложна она не была.

– Конечно, мой мальчик, конечно. Ну, что ж, давайте всё детально обсудим. Но, я ещё раз повторяю, дело носит наисекретнейший, конфиденциальный и приоритетный характер, – Шахт в отличие от других собеседников к алкоголю не притронулся.

– Итак, с сегодняшнего дня вы переводитесь в Берлин в Райхсбанк на должность моего заместителя по особо важным делам. Соответствующие бумаги уже готовы, – Шахт говорил тихим твёрдым полушёпотом, – ещё вы получите доверительные письма министерства иностранных и внутренних дел, а также Вермахта за подписью всех райхсминистров. Одновременно вам присваивается внеочередное звание штурмбаннфюрера. Ваши полномочия – самые широкие, практически неограниченные. В рамках вашей деятельности вы можете рассчитывать на поддержку в любой ситуации и в любом месте.

– Благодарю вас, герр Шахт. Повторяю, я готов выполнить любую миссию.

– С сегодняшнего дня вы становитесь руководителем центральной финансовой группы, в задачи которой входит работа в первую очередь на территории стран Восточной Европы. Ваша задача, – Шахт сделал паузу и перевёл дыхание, – находить, выявлять и экспроприировать всё то имущество, что находится пока ещё во владении у евреев. Всё, что представляет собой какую-то ценность. Драгоценные металлы, камни, украшения, предметы художественной ценности, антиквариат, банковские и денежные средства. Всё без исключения.

– Надо отбирать у евреев их имущество безо всякого угрызения совести, – лицо Геринга покраснело от напряжения и внезапной ярости, – это все богатства наши, ну и немецкого народа, конечно. Отнимать у евреев всё без жалости и сострадания! Историю надо делать, господа, а не бояться руки запачкать. Мы всё-равно должны будем в ближайшем будущем решать еврейский вопрос окончательно. Не так ли, герр Гиммлер? Так чего уже там оглядываться на мнение американцев и англичан. Герр Шахт, конечно, разбирается в финансах лучше меня, но в тактике поведения с евреями я никого не пропущу вперёд. Отнимать и уничтожать. И точка!

– По-моему, партия и фюрер должны перестать миндальничать. Мы достаточно долго ограничивались двадцатью пятью, а затем пятидесятью процентами сборов с дохода еврейских предприятий и семей. И даже сегодняшние семьдесят пять мне кажутся недостаточным, –

Гиммлер редко говорил таким повышенным тоном, словно боевой настрой Геринга передался и ему, – мы и так позволили выехать из страны более ста тысячам этих еврейских свиней. У тех, до кого ещё возможно добраться, надо экспроприировать всё. Хватит проявлять непозволительную в наше время жалость к этому еврейскому отродью!

Помните герр фон Штрелах, нас интересуют в первую очередь драгоценные металлы и камни (в натуральном виде или в изделиях), а также произведения искусства и культурно-исторические раритеты, – Гиммлер снова успокоился, взял себя в руки и заговорил привычным вкрадчивым голосом, – разумеется, не все культурные ценности можно отнести к ликвидным активам, а только те, которые имеют рыночную ценность и установленную мировую стоимость. А также произведения искусства, антиквариат, мебель. Но, вы забирайте всё, там разберёмся, что ценно, а что нет. Мы найдём применение всему!

– Ещё мы должны дотянуться до их финансовых вложений за границей, – Шахт осмелился и тоже перешёл на нормальный тембр, – евреи очень семейственны и держатся друг за друга. Наша задача дать понять банкирским домам в Америке и по всему миру, что мы готовы предоставить возможности обмена их вкладов за границей на гарантию свободного выезда еврейских родственников из Европы. Пусть убираются, чем быстрее, тем лучше. Чтобы воздух в Германии был чище.

– И тут нам понадобится вся ваша компетентность, дипломатичность и личное обаяние, дорогой Тео, – Борман впервые оторвался от рюмки с коньяком и тихо заговорил, не глядя в глаза собеседнику, – мы не хотим шума на весь мир. Всё должно быть камерно и тихо, но в то же время безжалостно и окончательно! – он слегка стукнул кулаком по столу для большей убедительности.

– Не стану скрывать, герр фон Штрелах, – Гиммлер встал и прошёлся по комнате, – параллельно с вами в этом направлении будут работать ещё некоторые институты и организации. Например, «Дойче Банк" имеет большие капитальные вложения частных лиц и крупных еврейских фирм, которые мы собираемся национализировать, вернее приватизировать. Швейцария тоже выразила готовность скупать еврейские активы и золото. Они готовы подумать о приватизации еврейских вкладов в своей стране. Не скрою, подобные вашей, но менее масштабные группы будут работать параллельно с вами в странах Западной Европы. Но, там размах не тот, там мы не можем себе позволить работать без оглядки на оставшийся мир. Следовательно, основное наше направление – еврейский капитал из Восточной Европы. Поэтому, главным и руководящим звеном всей компании станет ваш банк и вы лично. Все потоки в итоге будут стекаться к вам в банк фон Штрелах. Их классификация, распределение и сохранение – ваша непосредственная задача. Это большая работа и большая ответственность. Но, мы уверены, вы справитесь.

– Мы будем встречаться примерно раз в квартал и обсуждать текущие дела. Благодарю вас, герр фон Штрелах. Можете быть свободны. Успехов вам, – Шахт пожал Тео руку и проводил до дверей кабинета.

* * *

В первые годы своей новой и ответственной деятельности Тео не покидало возвышенное ощущение своей избранности, особой миссии и предназначения. Молодой мужчина был молод, тщеславен и полон амбициозных желаний. Конечно, боковым зрением он видел, осознавал и обратную сторону порученной миссии, но желание доказать свой профессионализм и приверженность идеям национал-социализма перевешивали неуместные либеральные сомнения. Он даже испытывал некое чувство облегчения, что ему не приходится с оружием в руках убивать врага на полях сражения. Фон Штрелах гордился тем, что помогает Райху и немецкому народу своими знаниями, работоспособностью и умом, а не бомбами и пулями.

Мужчине казалось, что он поступает даже по-своему благородно, спасая чьи-то жизни. Пусть и в обмен на заработанное и нажитое. Но, оставляя самое ценное – их жизни и жизни их детей! Однако, со временем эти полублагородные чувства в силу реальности происходящего выветрились почти бесследно и прошли, как первая увлечённость. Фон Штрелах осознавал, что его работа превратилась в просто бизнес, просто ещё один сомнительный, но верный способ зарабатывать деньги. Для райха, для партийной элиты, и, конечно, для себя. Пусть не всегда честный и порядочный бизнес, но ему никогда по ночам не снились его жертвы – люди, которых он обманул, ограбил и предал. И которые потом исчезали бесследно, перемалывались безжалостной убийственной машиной третьего райха. Было ли Тео их жалко? Конечно же, нет! Ведь это были просто евреи – люди не их круга, существа второго сорта, неизбежные коллатеральные потери во время войны во имя процветания великой Германии.

За первые годы войны через руки Тео фон Штрелах потекли несметные потоки изъятого у населения, в первую очередь еврейского, богатства. В начале он был даже огорошен количеством поступающего в его распоряжение имущества и испытывал страх не справиться с поставленной задачей. Но, руководители райха позаботились об этом и поддержали его. Чтобы изъятые предметы и средства доставлять в Германию, во всех видах вооружённых сил были созданы так называемые подразделения «солдат и офицеров культуры», которые, по словам райхсминистра экономики Вальтера Функа, «надёжно, верно, мастерски владея своим „культурным оружием“, будут служить нашему делу». В вермахте за конфискацию исторических и культурных ценностей отвечал начальник войсковых архивов, библиотек и музеев. Спецподразделения «солдат и офицеров культуры» были созданы во всех главных министерствах и ведомствах, включая гестапо, полицию и структуры СС. Большинство этих ценностей стекались под непосредственным контролем Тео в хранилища его семейного банка фон Штрелах и частично райхсбанка, где сортировались, каталогизировались и по возможности обращались в деньги. Руководство райха хотело «отмыть» от изъятого еврейский дух, переведя всё в монетарный формат или в драгоценные металлы. А деньги, как известно, не пахнут и не имеют собственной предыстории.

За годы работы и выполнения своей миссии фон Герлах создал разветвлённую сеть, состоящую из информаторов, собирающих данные по всем странам о богатых евреях и докладывающих всё лично ему. Тео сам решал, когда и кого «побеспокоить», а кого оставить напоследок. Он создал филиалы банка в нескольких странах: Чехии, Венгрии, Польше, куда стекались все данные и накапливались изъятые еврейские капиталы. Раз в две недели всё собранное перевозилось в центральный берлинский банк фон Штрелах.

«На золотые коронки мы не разменяемся, пусть этим занимается гестапо и расстрельные команды в концентрационных лагерях. Хотя, и эти ресурсы после их переработки должны в итоге стекаться к нам. Наша главная цель – те изделия, что сохранятся на века и останутся в истории райха: драгоценности, культурное наследие, предметы старины, вклады в банках. Мы, конечно, можем отобрать всё силой, под пытками и страхом смерти. Но, наше кредо совершенно другое: мы хотим, чтобы всё было на добровольных началах, по взаимной договорённости. Как между деловыми людьми бизнеса. Так этим евреям будет ближе и понятнее. Наша задача дать понять богатым еврейским семьям и их родственникам за рубежом по всему миру, что лагерей смерти можно избежать, но за это они обязаны внести свою лепту в материальное благополучие и процветание райха. Они должны быть уверены, что их собственная жизнь и жизнь их детей и родственников зависит от добровольного сотрудничества с нами. Мы заключаем самый простой в этом мире договор: деньги – жизнь. Но, несмотря на эти договорённости, мы не исключаем возможной необходимости окончательного решения еврейского вопроса на всей территории третьего райха и за его пределами.»

* * *

Ещё в 1940 году, когда финансовое положение банка фон Штрелах стало позволять Тео некоторые личные вложения, он по совету отца решил приобрести недвижимость и купил практически за бесценок старинную виллу с участком леса на реке Хавел под Берлином, принадлежащую до войны семье еврейских фабрикантов, расстрелянных в начале года. С наступлением весны 1942 года он решил подстраховаться от возможных послевоенных перипетий и приобрёл на подставное имя небольшое шале в немецких Альпах. Деревушка Бад-Виззее на озере Тегерн, затерянная в лугах предгорья, давала ему возможность на короткое время забыть, что идёт война и что он может себе позволить не более нескольких дней спокойного отдыха.

Однако личные вложения этим не ограничивались. Тео отлично понимал, что война будет длиться не вечно, когда-нибудь всё закончится. И молодой человек не был абсолютно уверен, что ему не придётся нести ответственность перед потомками этих всех чёртовых евреев за отнятое и награбленное, за лагеря и сотни тысяч убитых. Как разумный человек, не окончательно задурманенный нацистской идеологией, фон Штрелах предусматривал все возможные сценарии развития событий и поэтому заблаговременно открыл под чужим именем несколько тайных вкладов на предъявителя в различных государственных банках за пределами Европы, куда регулярно переводил определённые суммы. В августе 1944 года он тайно и с паспортом под чужой фамилией съездил в Лихтенштайн, где абонировал банковскую ячейку на предъявителя. Там он спрятал несколько особенно уникальных и дорогих ювелирных изделий, найденных и изъятых у еврейских семей за годы войны и не указанных в отчётах.

* * *

Отношения с женщинами занимали важное, но не первостепенное место в жизни Тео фон Штрелах и воспринимались скорее, как физиологическая необходимость для поддержания мужского здоровья. На серьёзные перспективные отношения у мужчины не было времени и все его периодические притязания на интимную близость ограничивались посещением престижных дорогих борделей по всей Европе во время своих передвижений по оккупированным территориям. Семья, считал он, – это ненужная ответственность за совершенно посторонних и чужих ему людей, и частичная утрата независимости. Дети – фактор, мешающий осуществлению жизненных планов и бесполезная потеря жизненных ресурсов. Романтические ухаживания – неуместная суета, трата времени, денег и эмоциональных сил. К тому же женщины так непредсказуемы, понимание их сущности лежало в области, далёкой от биржевых сводок и финансовых расчётов. А в настоящую любовь он не верил. Она существовала в плохих романах и дешёвых стишках. Любовь – для сентиментальных слабаков с комплексом неполноценности и нищих болтунов. А Тео фон Штрелах таковым себя не считал.

У него правда случилось несколько более-менее продолжительных афер, но разве можно было рассчитывать на серьёзные отношения с актрисой варьете, требующей всё больше денег на одежду и украшения, и которая совершенно не соответствовала его представлениям о женском идеале чистоты и целомудренности. Красивая, страстная, раскрепощённая. Но, не его круг, не чета фон Штрелах.

Или со старшей медсестрой из полевого госпиталя, находящейся каждый день на передовой, где могут убить. С ней ему было уютно, тепло, с ней он становился снова самим собой. Но, война, госпиталь, раненые. Кровь, гной, смерть! Какая уж тут любовь, а тем более семья.

Нет, всё это было не для него. Гораздо проще и честнее было встречаться без обязательств с женщинами, профессионально продающих свою любовь за деньги. Тут всё строилось на договорной финансовой основе – единственному, чему фон Штрелах в отношениях между людьми доверял.

Его родителей, конечно, не могло не волновать то, что взрослый сын ни с кем не встречается, не создаёт семью, не обзаводится детьми на радость бабушки и дедушки, не стремится в конце концов продолжить существование династии фон Штрелах. Но, мать не решалась сама знакомить его с какой-нибудь достойной, как ей казалось, девушкой из их круга, знала, что сын не примет чужого выбора. А отец уже давно старался не вмешиваться в жизнь сына. Ни в личную, ни в профессиональную. Официально Карл фон Штрелах всё ещё управлял банком, но важные стратегические решения не принимал уже давно, практически отойдя от дел, передав всё в руки сына.

Старик фон Штрелах всё видел и понимал, за счёт каких поступлений так быстро растёт банковский капитал их финансового учреждения. К тому же он не мог не замечать происходящие изменения в Германии и в странах Европы, и он не мог сказать, что его это радовало или вызывало чувство гордости за успехи сына. Происходящее скорее нарушало его душевное равновесие и не вполне соответствовало сложившимся жизненным принципам человека старой бисмарковской закалки. Да, он тоже не долюбливал евреев и считал их виновными во многих бедах Германии, но грабить, а потом обрекать на смерть… Нет, это он не мог понять и принять. Однако, несмотря на душевные терзания, Карл фон Штрелах предпочитал не вмешиваться в происходящее, и делать вид, что его это не касается, а порой и просто молчать. Так было лучше, так было спокойнее, так было комфортнее.

* * *

За возможность выехать из горящей Польши младшей дочери Милы Леон Козловски, как и обещал, отдал все семейные сбережения и ценные бумаги, что хранились у него на счетах в швейцарском и английском банках. А также все драгоценности из ювелирных гешефтов в Кракове и Варшаве. Деньги были переведены на указанные реквизиты финансового учреждения семьи фон Штрелах, драгоценные изделия фон Штрелах изъял собственноручно.

Тео продолжал лично заниматься делами семьи Козловски по многим причинам. Одной из них было желание банкира оставить в своём личном пользовании фамильную драгоценность ювелиров – кольцо «Святая Мария», а для этого он должен был быть уверен, что свидетелей этого события не останется и об этом впоследствии никто никогда не узнает.

– С вами было приятно вести дела, пан Козловски, вы добросовестно выполнили свои обещания. Это делает вам честь. Но, дорогой мой, вы и меня должны понять: я не всесильный, я всего лишь солдат Райха, выполняющий его приказы. К тому же, согласно нашему договору я спас ваших дочерей, как и обещал. А это, согласитесь, немало. Ваша старшая дочь Сарра уже наверняка добралась до Южной Африки, младшая Мила находится в надёжном месте на границе со Швейцарией и в ближайшие дни я переправлю её в Аргентину, как подданную этой страны. Но, не просите меня за вашу жену, зятя, а тем более его семью. Я и так многим рисковал, идя на сделку с вами. К тому же, договор есть договор: всё ваше состояние на будущее ваших двоих детей. Я даже выполнил больше, чем обещал: я дал возможность уехать троим детям, ведь ваша старшая дочь беременна, – фон Штрелах рассмеялся своей, как ему казалось, удачной шутке, – и вообще, будем надеяться на лучшее. Да и потом, концентрационный лагерь – это тоже не конец света, там тоже можно жить.

Прощайте, пан Козловски. Храни вас Гос-дь.

Обещая спасение младшей дочери Милы, фон Штрелах не говорил всей правды. Всё дело было в том, что… девушка очень нравилась ему. С тех пор как он познакомился с её семьёй, предложил и пообещал помочь Миле уехать из оккупированной Польши, она постоянно занимала все его мысли. Пожалуй впервые в жизни он испытывал чувство, похожее на влюблённость, и это тревожило его своей ненужностью и неопределённостью. Всё в этой шестнадцатилетней Юдифе притягивало мужчину: невинность, красота, ум, смирение. Особенно его

волновал цвет её медно-рыжих волос, от которых невозможно было оторваться. И взгляд. Этот взгляд её тёмно-зелёных глаз – в них скрывалась непонятная притягивающая сила и волшебство. Тео чувствовал внутреннюю силу характера и недоступность девушки, но иногда колдовская притягательность изумрудных глаз и желание обладать её телом становилось настолько сильным, что перевешивало давно-сложившегося брезгливого отношения к представителям еврейской нации. Отталкивающее притяжение. Мужчина не находил в себе силы расстаться с девушкой, боясь потерять последние проявления человеческого тепла в своей душе. Именно поэтому он предложил в начале 1940 года перевезти Милу до её отъезда за границу Польши в своё шале в Альпах, пока он будет пытаться помочь спастись её родителям. Там она будет в безопасности. Иезуитское чувство смутной надежды на что-то недосягаемое и возвышенное будоражили его мужское воображение и толкало на необдуманные поступки.

Мила жила в деревушке под чужим именем, как его двоюродная кузина, и находилась под постоянным присмотром доверенной Тео одинокой пожилой женщины из бывших политзаключённых. Он предусмотрительно спас её от концлагеря ещё в 1939 году, когда только начинал заниматься своей деятельностью, чтобы иметь преданного человека, обязанного ему жизнью. У женщины никогда не было собственной семьи и она искренне привязалась к девушке, понимая её зависимое положение. Держать Милу в альпийском шале фон Штрелах было возможным лишь потому, что он обещал девушке освобождение из концлагеря родителей. В обмен на её терпение. И благосклонность.

– Пани Козловски, вам придётся ещё немного подождать с отъездом. Пока мне не удалось достать необходимые документы, но я обязательно спасу ваших родителей. Обещаю. Даю слово офицера. Но, вы тоже должны меня понять, это очень нелегко и опасно.

– Что вы ещё хотите? Отец отдал вам уже всё, чем владела наша семья. У меня ничего не осталось. Что я ещё могу сделать для их спасения? Говорите, я согласна на всё.

– Мила, вы позволите мне вас так называть, послушайте, вы же понимаете и наверняка чувствуете, как я к вам отношусь. Вы не можете не догадываться о моих чувствах. Вы же видите, что я влюблён и готов ради вашей благосклонности на многое. Но, мне хотелось бы иметь доказательства того, что и вы ко мне тоже испытываете некоторую… хотя бы симпатию. Я тоже должен знать, ради чего рискую многим. Понимаете?

– Наверное… Не знаю. Мне кажется, если честно, я уже некоторое время назад начала догадываться о ваших планах. Только, зачем я вам? Вы, с вашей внешностью, положением и неограниченными возможностями, можете обладать любой достойной вас женщиной. А я ещё совсем не опытна, не искушена, вам будет со мной не интересно, я вам быстро наскучу. Да, и потом, я – еврейка! Вы рискуете своей карьерой, связавшись со мной.

– Как же вы не понимаете! Я полюбил вас! Впервые в моей жизни я испытываю такое чувство, с которым не в состоянии совладать. И мне никто не нужен, кроме вас! Ради вашей любви я готов на всё! И на риск, ради спасения вашей семьи тоже!

На близость она согласилась не задумываясь.

Если бы не её глаза, полные презрительной ненависти.

Чем сильнее мужчина чувствовал её покорное неприятие, тем сильнее его поглощало сжигающее чувство неразделённой любви. Иногда Тео даже казалось, что он девушке тоже не совсем отвратителен, что в ней порой борются два несовместимых чувства: ненависти и физического притяжения. Особенно это чувствовалось по ночам, когда в ней просыпалась женщина. Девушка не скрывала, что она презирает себя за это, но ничего не могла с собой поделать. Затем наступало утро, и ему снова казалось, он ей настолько ненавистен и презираем, что девушка в любую секунду, если бы могла себе это позволить, готова его убить. Если бы не призрачная надежда, что мужчина всё же проявит благородство и поможет, как обещал, её родителям спастись. В такие минуты Тео, раздираемый безответностью чувств, в ярости

и отчаяние сбегал от Милы в Берлин, что бы уже по дороге начать скучать по её запаху, телу и бездонным зелёным глазам.

Через год этих тяжёлых отношений и его редких наездов-отъездов Мила ожидаемо забеременела. Когда фон Штрелах узнал об этом, что-либо предпринимать было уже поздно. Заканчивался 1942 год, его работа занимала всё больше времени, маршруты его поездок становились всё длиннее и он всё реже появлялся в Бад-Виззее.

23 декабря 1942, Бад-Виззее

– Если в вас осталось хоть что-то святое, если в вашей несчастной проданной дьяволу душе осталось хоть что-то человеческое, вы должны сказать мне правду, что с моими родителями. Слышите?! Правду!

Фон Штрелах приехал всего пару часов назад, ему удалось вырваться к ней на несколько дней на Рождество. Он с нетерпением ждал, когда наконец-то сможет её увидеть, обнять, поцеловать. Мужчина соскучился до умопомрачения и совершенно не ожидал такой встречи. Он настолько сильно полюбил эту не покорившуюся еврейскую женщину, ожидающую от него ребёнка, что готов был пойти на крайние меры и совершить невозможное: сделать ей предложение, жениться на еврейке, бросить всё и исчезнуть. Он уже давно имел несколько паспортов на чужие имена, вклады в банках по всему миру и спрятанные драгоценности. Одну из них – кольцо «Святая Мария», по праву принадлежащую семье Милы, он собирался преподнести ей, как свадебный подарок. Да, он сохранил для себя лично то самое уникальное кольцо семьи Козловски и хотел подарить его, как доказательство своих чувств. Тео нужна была только эта еврейская девочка, её любовь, её тело, её глаза и их ребёнок.

Он, конечно же, знал, что отца и матери Милы уже давно нет в живых – они были уничтожены осенью этого года в Аушвитце, причём по его непосредственному приказу. Фон Штрелах не мог себе позволить оставить в живых свидетелей. Но, сказать ей, что родители расстреляны девушки, он не решался.

И только ночью, когда Тео хотел серьёзно поговорить, признаться и сделать ей предложение и поведать о своих планах, а Мила молча лежала, отвернувшись от него, он не выдержал и рассказал правду.

– Поверь, я ничего не смог сделать. Это было слишком опасно для меня – спасать евреев. Сейчас настали тяжёлые времена, фюрер принял решение об уничтожении всего еврейского народа. Я не мог рисковать своей работой, а возможно и свободой. В конце концов, даже жизнью! Спасти твоих родителей и погибнуть самому – это абсолютнейшее безрассудство. Пойми меня!

Давай всё забудем, всё бросим, начнём с чистого листа на новом месте. Родителей не вернёшь, а тебе скоро предстоит рожать. У тебя вся жизнь впереди. Я очень люблю тебя! Мы уедем далеко за границу, где нас никто не знает. Я дам тебе и нашему ребёнку всё, что захотите. Я богат! Ты не представляешь, как невероятно богат! И я так сильно люблю тебя, что схожу с ума! Умоляю, не отталкивай меня!

Она промолчала, но к Тео больше не повернулась и к себе не подпустила никогда. Он не смог увидеть её почерневших глаз и безнадёжную пустоту в них. Через три дня фон Штрелах от отчаяния и эмоциональной опустошённости уехал в Берлин.

Когда спустя несколько месяцев ребёнок родился, женщина отказалась кормить свою новорожденную девочку, практически не прикасаясь к ней. Она всё время лежала, повернувшись к стене, и практически не реагировала на окружающее. Казалось, она отказалась не только от своей дочери, она просто отказалась от жизни. А через три недели, ровно в свой восемнадцатый день рождения, Мила Козловски повесилась в гостевом домике.

«Я бы прокляла тебя, но ты должен вырастить дочь».

Тео фон Штрелах назвал новорожденную девочку Камилой и дал ей свою фамилию.

3 октября 1941 года, Бобруйск

В первые дни войны в конце июня 1941 года немецкие войска заняли одним из первых населённых пунктов на территории Советского Союза небольшой белорусский город Бобруйск. Особенностью этого периферийного местечка было преобладающее число жителей еврейской национальности. Более шестидесяти процентов населения городка, а это около двадцати семи тысяч человек, до начала войны составляли евреи. В первых числах августа 1941 года оккупационные власти при содействии добровольных помощников из числа местных жителей, преимущественно польского происхождения, произвели аресты и принудительное переселение евреев Бобруйска в огороженное и охраняемое гетто, созданное в границах городских окраин. Бóльшая часть узников гетто была расстреляна 7—8 ноября 1941 года. Окончательное уничтожение Бобруйского гетто произошло 30 декабря 1941 года. Всего за время оккупации было уничтожено около двадцати пяти тысяч евреев, то есть более девяноста процентов жителей города еврейской национальности.

В это время Тео фон Штрелах находился в польском городе Люблин, ожидая докладов от своих информаторов в частях вермахта после начала компании на территории Советского Союза. Первые сообщения начали поступать уже к началу сентября, после того, как «солдаты культуры», прикомандированные к 3-й танковой дивизии, начали докладывать о сборе средств, конфискованных у уничтожаемого еврейского населения. Подразделение, вошедшее в город Бобруйск, работало наиболее интенсивно. Среди всех их докладов особое внимание фон Штрелах привлекло малозаметное донесение о содержимом тайной камеры Большой Синагоги города Бобруйска. Среди обычных предметов религиозного культа опытный взгляд офицера заметило строчку: «Малый свиток Торы, предположительно 16 век. Высота – шестьдесят, диаметр – двадцать два сантиметра. Оформление – золото и серебро. Состояние относительно хорошее». В тот же день Тео лично выехал в Бобруйск.

Вечером 3 октября раввин синагоги Исаак Пинзур по личному указанию штурмбаннфюрера СС Тео фон Штрелах был срочно препровождён под охраной из гетто прямо в городское управление. Учтивый немецкий офицер предложил пожилому человеку стул, налил чай с сахаром, угостил бутербродом с настоящим сыром, и, когда Пинзур допил горячий чай, спросил, откуда в городской синагоге может оказаться такая древняя реликвия, которая лежала на столе в кабинете, прикрытой скатертью.

– Я человек в этом несведущий, товарищ Пинзур. Посвятите меня, что означает этот свиток и как он оказался в ваших руках?, – немец сносно говорил по-русски, хотя и путал слова.

– В двух словах не расскажешь, господин офицер, но мне приятно, что вас это интересует. Тора означает «учение или закон» – священное для каждого еврея писание. Её можно рассматривать, как первую часть Библии, так называемое «Пятикнижие Моисеево», – Исаак был в своём элементе всегда, когда дело касалось иудаизма, – свиток со священными текстами хранится в синагоге, как предмет нашего религиозного культа. По сути – это совокупность иудейских традиционных религиозных законов.

Часть Торы публично читается не реже одного раза в три дня на собраниях членов нашей общины, когда собирается пол-города, и является одной из основ еврейской жизни вообще. Без свитков Торы невозможно себе представить иудейскую религиозную жизнь где-либо. Даже в гетто, – раввин Пинзур готов был просвещать любого, кто интересовался вопросами веры. Даже офицера СС.

Эта бесценная Тора, что попала вам в руки, дарована нашей Большой Синагоге в 1922 году лично Лейбом Цирельсоном – одним из главных галахических авторитетов в исто-

рии нашей страны. До этого миниатюрные Свитки Торы хранились в Киеве, в Главной Синагоге города.

Очень интересно их происхождение, – Иссак Пинзур перевёл дыхание, посмотрел взглядом голодного человека на бутерброд с сыром, вздохнул, но к нему не притронулся, – дело в том, что в середине шестнадцатого века тогдашний русский царь Иван Грозный запретил всякое пребывание евреев в стране и следил за тщательным соблюдением запрета. Он считал, что евреи, начавшие тогда приезжать с торговыми караванами из Прибалтики, обманывают людей и торгуют нечестно. Поэтому во времена его правления иудаизм был на Руси запрещён, и евреев, отказавшихся перейти в христианство, казнили через утопление. Те, кто де-юре согласился принять другую веру, а фактически сохранить еврейство, вынуждены были скрывать свою религию, продолжая тем ни менее исповедовать иудаизм. Им пришлось все атрибуты религиозной жизни создавать в миниатюре, чтобы не было так заметно и никто не мог догадаться. Так была сделана и «наша» Тора.

Знаете, она пережила столько погромов, столько попыток её украсть или сжечь, она уцелела при всех царях и правителях, желающих уничтожить иудаизм. Тора не пропала в годы революции и религиозных чисток, так что, я думаю, она сохранится и после немецкой оккупации. Господин офицер, я вижу, вы человек образованный, и уверен, вы понимаете, какая уникальная и бесценная реликвия не только еврейского народа, но и всей человеческой цивилизации, попала в ваши руки. Это исторический уникат. Прошу вас, отнеситесь к Торе с уважением, и умоляю, сохраните её. Я знаю абсолютно точно, она вернётся назад, пусть и пройдут многие годы, но я верю, Свитки Торы не исчезают, они вечны. Они вернутся в наш город, пусть и не скоро, я знаю наверняка.

Спасибо за чай, господин офицер, прикажите меня отвезти назад в гетто к моей семье. Я устал, а мне ещё надо будет сегодня читать вечернюю молитву.

Через час штурмбаннфюрер фон Штрелах распорядился лично, чтобы раввин Пинзур был в списках людей бобруйского гетто, подлежащих уничтожению в первую очередь и в ближайшее время.

Бесценные свитки он упаковал в специальный ящик, собрал вещи и в тот же вечер выехал назад. Вернувшись в Берлин, Тео положил интересную находку в отдельную ячейку своего банка, лично уничтожив все данные и все сообщения о содержимом тайной камеры Большой бобруйской Синагоги.

Фон Штрелах уже давно занимался отбором особенных предметов из проходящих через его банк ценностей для своего личного собрания. В основном он руководствовался исторической ценностью, стоимостью на рынке и наличием обязательного спроса в будущем. Например, ценные и старинные ювелирные изделия, единственные в своём роде. Особенный интерес у него вызывали древние книжные издания и рукописи, в том числе религиозного содержания – сказывалась образованность и страсть к чтению, привитые с детства.

В нескончаемом потоке изымаемых у евреев ценностей у фон Штрелах были отличные возможности для удовлетворения собственных пристрастий. В их сохранении, пусть и в личных целях, Тео также видел свою миссию и предназначение.

21 декабря 1944, Бад-Сааров

Перед самым Рождеством 1944 года в небольшой загородной резиденции райхсляйтера Бормана в Бад-Саарове на Шармутцель-озере собрались трое мужчин: сам хозяин Мартин Борман, министр внутренних дел рейха Гиммлер и сотрудник министерства финансов Тео фон Штрелах. Герман Геринг приглашён не был. Бывший министр финансов и президент Райхсбанка Шахт в это время находился в концлагере Флоссенбург, как изменник родины.

– Господа, мы уже беседуем второй час, так что давайте не будем заниматься ложным патриотизмом и признаем, что война, к сожалению, продлится недолго. Успехи русских, открытый второй фронт и наши стратегические ошибки – для надежды на успешное окончание войны, как ни печально, повода практически не осталось. Мы должны подумать, как нам дальше поступать в сложившейся ситуации, – Борман был умён и хитёр, но никогда не был дипломатичен. К тому же его техники негласно провели прослушку гостей на предмет записывающих устройств и поэтому он не боялся напрямую говорить, что думает, – как закончить войну с наименьшими для нас лично потерями, и что делать с финансовыми и прочими накоплениями райха и партии. Именно поэтому, герр фон Штрелах, мы вас пригласили.

– Мне кажется, нам надо прежде всего попытаться договориться с американцами. Лучше с ними, чем с русскими. И тогда можно полностью изменить ход войны, – Гиммлер уже тайно готовил такие переговоры и пытался через военных, дислоцированных на территории Италии, связаться с американской разведкой, – русские не должны войти в Германию. Пока они находятся в Польше, ещё есть время. Немного, но есть, мы должны поторопиться. Любой ценой мы должны остановить их продвижение на запад. Войну ещё можно повернуть вспять, надо только договориться с американцами. К тому же, скоро наши учёные закончат работу над новым оружием, и тогда нам никто не будет страшен.

– Гернрих, давайте обсудим эти вопросы несколько позже, не утомляя нашего гостя, а пока, герр фон Штрелах, нам хотелось бы услышать ваше мнение по поводу складывающейся ситуации.

– Господа, позвольте мне ограничиться только докладом о положении финансовых дел, порученных мне. В политике я разбираюсь, к сожалению, плохо, мои познания лежат больше в области денежных вкладов, а также художественных ценностей и предметов искусства.

– Я в очередной раз убеждаюсь, мой дорогой, что тогда в тридцать восьмом наш выбор пал на вас не зря, – Гиммлер засмеялся, поправляя пенсне, – вы большой дипломат и умный человек. С вами приятно иметь дело. Ну, хорошо, давайте послушаем, как ваши финансовые успехи.

– Господа, не желая утомлять вас скучной бухгалтерией, скажу вкратце, что на счетах и депозитах в нашем банке, плюс активы, размещённые за границей, в том числе в Швейцарии и Португалии, накоплены суммы, равные примерно 827 миллионам 498 тысячам американских долларов. Мы готовы в течение трёх рабочих дней перевести их на оговорённые счета в тех банках по всему миру, список которых вы мне предоставили.

Кроме того в нескольких десятков специальных контейнеров, приготовленных к отправке, находятся ювелирные изделия, предметы искусства и старины.

Среди них содержатся около пятисот картин Рубенса, Рембрандта, Вермеера и других известных художников. Также мы собрали тысячу семьсот редких раритетных книг и старинных изданий, большое количество эксклюзивного старинного фарфора. После шестилетней деятельности нашего отдела можно смело сказать, что поставленная вами задача была успешно выполнена. К этому моменту нашими экспертами были научно обработаны и каталогизированы более десяти тысяч предметов искусства, все они упакованы и хранятся в специальных контейнерах.

Общая сумма совместных накоплений превышает 880 миллионов американских долларов. Кроме того, более 200 миллионов долларов уже депонированы в четырёх швейцарских банках на указанных вами счетах, как и было оговорено. К тому же, у нас есть чёткие договорённости о возможности допуска ко вкладам тех погибших еврейских семей, у которых по документам не осталось наследников. Это ещё примерно 270 миллионов долларов. Однако, эти счета необходимо погасить, сняв все суммы, до окончания войны. Надо торопиться – мы не знаем, как поведут себя швейцарские банкиры после возможного поражения Герма-

нии. На мой взгляд, их нейтралитет слишком ненадёжен, я не исключаю, что они постараются в суматохе послевоенного беспорядка оставить эти средства на своих счетах.

Также в нескольких приватных банках Швейцарии, название которых вы найдёте в этих бумагах, на особых счетах на предъявителя находятся золотые запасы, полученные в основном из отходов, доставленных из специальных лагерей на территории Восточной Европы и пунктов сбора в России. По моим данным это средства, равные примерно одному миллиарду райхсмарок. Но, точных данных у меня нет, мы этим не занимались, это был не наш уровень, сумму я указал на основании отчёта кассира НСДАП.

И последнее. За последний год в Аргентине мною и моими людьми через подставных лиц были приобретены четыре отдельно стоящих дома в разных местах страны, но достаточно близко друг от друга. Официально, как частное жильё. Адреса известны только мне, их я, по нашей общей договорённости, сообщу на месте при встрече. Сейчас там находятся по одному сотруднику отдела безопасности моего банка – надёжные и преданные люди. Они будут принимать и оберегать перевезённое до моего приезда. Об их судьбе мы подумаем позже, когда придёт время.

Все участники сделок по покупке недвижимости с немецкой стороны были, как вы и предписывали и с Вашей помощью, господин Гиммлер, отправлены на восточный фронт.

Вот, пожалуй, всё. Вкратце.

То, что фон Штрелах не указал, вернее промолчал, были исчезнувшие при пересчёте изъятого за годы войны в Нидерландах пятьдесят тонн золота. Тео предполагал, что гестапо по прямому указанию Гиммлера сразу вывезло его в какую-то нейтральную страну, скорее всего Нидерланды, минуя немецкие банки. Поскольку изъятием этого золота на территории Голландии золота занимались сотрудники гестапо, он был уверен, что пропавшее золото Нидерландского банка составило основу золотого запаса СС, который по своим каналам формировал лично райхсфюрер Гиммлер в тайне от своих соратников. Фон Штрелах знал это, но счёл благоразумным промолчать.

Также он знал, но промолчал о секретном разговоре между Гитлером и Борманом и полученном распоряжении фюрера своему личному секретарю позаботится о сохранении накопленных в годы войны средствах, не посвящая в это ни Гиммлера, ни Геринга. Он знал это лично от Бормана. Не в деталях, но в общем контексте подготовительных мероприятий, в частности о секретных счетах на предъявителя во многих банках за рубежом, известных лишь Борману и фон Штрелах.

О чём ещё умолчал фон Штрелах, было то, что он, не посвятил в подробности приобретения домов в Аргентине людей из «ОДЕССА» – организации, готовящей возможные пути бегства немецких высокопоставленных военнослужащих СД и СС из горящего райха, несмотря на то, что у её истоков стояли люди Бормана. Он мотивировал это тем, что, чем меньше людей будет знать о готовящейся операции, тем лучше и надёжней. Очевидно это понимал и Борман, также не поднявший темы" ОДЕССА».

– Неплохо, очень неплохо. Насчёт швейцарских счетов мы должны ещё подумать, а то, что находится у вас, необходимо сберечь. Что у вас с каналами отправки?

– Всё готово. У нас есть чёткие договорённости с дипломатической почтой и таможней в Аргентине. Мне потребуется около десяти вылетов транспортным самолётом, чтобы всё перевезти. Перелёты планируются частично через Капвердовые острова и частично через Намибию. Я знаю, что нашими соратниками в Италии и Ватикане готовятся возможные пути отъезда для эвакуации и временного размещения преданных райху людей на территории Южной Америки и Ближнего Востока через Испанию, Италию и Скандинавские страны. Но, я бы не хотел пользоваться этими маршрутами, Уж очень они на виду, особенно в «Красном Кресте» много посвящённых и заинтересованных людей. А в нашем деле, чем меньше человек о нём знают, тем лучше. Проблем с запланированными мною маршрутами быть не должно, я уже сделал

два пробных перелёта с пустыми контейнерами, всё прошло гладко. С завтрашнего дня я буду безвыездно находиться в Берлине и ожидать Ваших распоряжений.

– Отлично-отлично, я очень вами доволен, – Гиммлер улыбнулся одними глазами и на лице отразился глубокий мыслительный процесс, – по поводу вашего доклада, я думаю, мы поступаем правильно. Как бы не сложилась политическая ситуация после войны, руководство партии должно иметь финансовую возможность для восстановления сил, и даже, если хотите, на политический и военный реванш. Мы ещё можем бороться и должны спасти нашу Германию, но для этого нужны будут средства, – Гиммлер расслабленно откинулся в кресле, видно было, что он оценил молчание фон Штрелаха о его «личном» золоте, – хорошо, будем действовать по вашему плану, дорогой герр фон Штрелах. Поезжайте в Берлин и оставайтесь на телефоне. Пароли для связи остаются прежние. В добрый путь.

Ну, Мартин, так где же ваш обещанный хвалёный французский коньяк пятидесятилетней выдержки?

20 декабря 1949, Буэнос-Айрес

В конце 1949 года в портовом районе Ла-Бока на окраине Буэнос-Айреса в неприметном кафе сидели двое хорошо одетых мужчин европейского вида. Они не совсем вписывались в число типичных посетителей заведения в рабочем районе города, но и не особенно выделялись. На их столике ничего не было кроме воды и маленьких чашечек эспрессо. Однако, место встречи было выбрано не случайно – они не хотели лишних глаз, а здесь до них никому не было дела.

Одному из мужчин было около семидесяти. Морщинистое лицо с бритой головой и настороженными невыразительными глазами дополнял полный неспортивный вид. И вообще, во всём теле чувствовалась какая-то многолетняя неподъёмная усталость. Он постоянно оглядывался по сторонам, словно чего-то боялся, и всё время протирал вспотевшую лысину шёлковым платком.

Другому собеседнику было чуть больше сорока, но выглядел он гораздо моложе: спортивен, подтянут, собран. Дружелюбная улыбка на холёном гладко-выбритом лице, притягивающий уверенный взгляд и по-прежнему, несмотря на возраст, привлекательная внешность. Он сидел расслабленно, потягивал кофе и, казалось, был совершенно спокоен.

– Давно мы не виделись, дружище. Сколько? Года три?, – пожилой мужчина достал из кармана сигару и закурил. Он закашлялся, смутился, и потребовалось несколько минут, пока он пришёл в себя.

– Три года, четыре месяца и две недели, чтобы быть точным, сеньор Хасерос, – ответил его собеседник после паузы.

– Вы поражаете меня своей памятью, дорогой Мартинес.

– В нашем деле память – одно из главных качеств. Разве не так? Может вам заказать что-нибудь выпить, а то Вы несколько напряжены. Ну, хорошо, рассказывайте, как обстоят наши дела?

– Спасибо, не надо, я не пью. Здесь мой отчёт за истекший период, – Хасерос перешёл на шёпот, положив на стол папку из своего видавшего виды портфеля, – вложения, котировки, расходы, зарплаты, командировочные, короче, все статьи. Шифр для чтения прежний.

– Спасибо, уважаемый друг, – Мартинес рассмеялся и, не глядя, отодвинул папку на край стола, – я обязательно посмотрю всё дома. Надеюсь, Ваши достижения превосходят мои ожидания. Последний год, я слышал, был у Вас особенно успешным и мы не без вашей помощи сильно продвинулись в достижении наших целей.

Мужчины обменялись многозначительными взглядами, подозвали официанта и всё-таки заказали коньяк.

– А вот в этой моей папке для Вас, дорогой сеньор Хасерос, мои личные соображения на будущий период. Почитайте, полагаю, будет интересно. Мне кажется, мы должны несколько изменить нашу тактику, перестать прятаться и жить со сгорбленной спиной. В Германии всё улеглось, и даже наоборот, наши люди потихоньку возвращаются во все сферы жизнедеятельности государства. Американцы решили по известным причинам нас не трогать, Советам до нас нет дела, у них свои проблемы. Израильтяне заняты построением своего государства, в общем, мне кажется, у нас не должно быть больших проблем. Даже все эти международные иски еврейских организаций в США, думаю, делают больше делают шума, чем на самом деле нам опасны. Доказать ничего не возможно. Свидетелей практически не осталось. И, по-моему, пришло время продолжить наше главное дело. Деньги должны работать на благо Германии и немецкого народа, а не пылиться на банковских счетах и в хранилищах.

– Вы совершенно правы. Но, что Вы предметно имеете в виду? Есть какие-то конкретные предложения? Вы уже обсуждали Ваши планы с другими товарищами?

– Нет, сеньор Хасерос, я хотел сначала поговорить с Вами и услышать Ваше мнение по этому поводу. Ваш опыт и Ваше понимание ситуации – бесценны.

Мужчина постарше, к которому собеседник обращался по имени Руди Хасерос, на самом деле звали Рудольф Хеннинг. С 1934 по 1945 год этот неприметный грузный человек занимал важную должность кассира партийной кассы НСДАП. Это он вёл всю секретную бухгалтерию руководителей райха в годы войны, отвечая за партийные доходы. В апреле 1945 года не без помощи «Красного Креста» ему удалось через Ватикан тайно выехать из Германии и вывезти большое количество секретных документов в контейнерах для зерна.

Настоящее имя Кая Герлаха, его собеседника, было в своё время настолько засекречено, что его знали лишь несколько высокопоставленных и посвящённых лиц третьего райха. Его звали Тео фон Штрелах – потомственный аристократ и банкир, в годы войны возглавлявший одно из ведущих секретных спецподразделений, выявлявших и изымающих у богатых еврейских семей на территории Европы, северной Африки и на ближнем Востоке их состояния, драгоценности, картины, счета в банках, короче, всё имущество. Именно ему было поручено и удалось вывезти большинство изъятого и накопленного из райха в Аргентину.

– Будущее Германии в её детях, они будут строить новую политику и экономику страны. Вы согласны, Руди? Поэтому, я считаю, мы должны организовать специальный закрытый фонд, перевести в него практически все деньги, в том числе и от продажи драгоценностей и предметов искусства, и открыть при нём специальную частную школу, причём только для немецких детей – наследников их отцов, носителей нашей философии, взглядов и менталитета. Цвет нации. Лучшие учителя, иностранные языки, спортивная и идеологическая подготовка, всё на самом высоком уровне. Затем поступления в лучшие университеты мира. На нашу стипендию и при нашей поддержке. За любые деньги. После окончания обучения – работа в крупнейших компаниях, в банковской системе, в армии, разведке, на дипломатическом поприще, адвокаты, врачи – и все выпускники нашей школы. Это такие рычаги влияния и власти, что мы ещё покажем немецкую мощь всему миру, мы напомним странам-«победителям», что мы не сдались и будем бороться дальше, продвигая нашу национальную идеологию. Германия снова станет мировым лидером, решающим судьбы народов и государств!

– Да Вы фантазёр, дорогой Кай, но что-то в этом есть такое притягательное. Давайте я на досуге почитаю Ваши соображения, мы поговорим с остальными и тогда решим окончательно. Ваши идеи подкупают своими перспективами. Я, в любом случае, на Вашей стороне, мне нравятся Ваши мысли!

1 августа 1951, Буэнос-Айрес

Сеньор Герлах, вы позволите к вам присоединиться?, – мужчина лет сорока, с волевым подбородком, вежливой улыбкой и явным американским акцентом не дожидаясь приглашения сел за стол напротив, – да, и будьте любезны, скажите своим людям за соседним столиком, чтобы они спрятали оружие и не волновались, я к вам пришёл без плохих намерений.

Кай Герлах одним взглядом показал своей охране снова сесть на место, спокойно и не без любопытства посмотрел на незнакомца. Он уже догадывался с кем имеет дело, от собеседника за версту «пахло» ЦРУ.

Сеньор Герлах не терпел, когда ему мешали завтракать, особенно так бесцеремонно. Он приходил в это кафе уже много лет, так завелось, он любил с утра пить кофе в этом заведении и строить планы на день. Но, похоже, сегодня многолетней привычке придётся изменить.

– С кем имею честь? Мы не знакомы, я вас вижу впервые, так что, если вас не затруднит, представьтесь.

– Моё имя ничего вам не скажет, да это и не важно, – незнакомец сделал паузу, – ну, хорошо, пусть моё имя будет Джонсон. А важно то, что я хотел бы с вами поговорить. Поверьте, разговор серьёзный и в большей степени в ваших интересах.

Итак, сеньор Герлах, или может герр фон Штрелах, я предполагаю, вы, как умный человек, уже догадались, какую организацию я представляю. Не стану долго ходить вокруг да около. Мы, конечно же, знаем, кто вы на самом деле, какие источники накопления капитала лежат в основе финансирования вашего фонда и чем он занимается. Мы отслеживаем ваши передвижения и действия в последнее время и они, должен признаться, у нас тревоги не вызывают и не беспокоят. Во всяком случае, пока.

Мы не планируем мешать вашей идеологической и другой, менее легальной деятельности, будь то появившиеся интересы в области оборота наркотиков или продажа предметов искусства и старины малоприятным гражданам из малоприятных государств на чёрном рынке. Официальные продажи ценных предметов через аукционы нас тоже пока не интересуют. Занимайтесь и дальше, нас ваши небольшие гешефты не интересуют, это ниже нашего уровня.

Но, вы, сеньор Герлах, становитесь слишком заметным и серьёзным политическим игроком на послевоенной арене, а это уже не может не вызывать у нас заинтересованности.

– Вы хотите предложить мне что-то конкретное, господин Джонсон, или просто решили засвидетельствовать своё почтение? Я хотел бы продолжить завтрак.

– Почтения, герр Штрелах, от меня – американца, вы, немец, скорее всего не дождётесь. И завтракать с вами за одним столом я не стану. А вот обсуждение определённых условий «нейтралитета» нашей страны и моей организации в частности в делах вашего фонда мы должны непременно обговорить. И было бы очень желательно, в первую очередь для вас, чтобы в итоге мы пришли к общему знаменателю.

– Кофе? Может хотя бы выпьете со мной кофе? – в голосе Герлаха не чувствовалось опасения. Его скорее забавляла сама ситуация. Кай не боялся американцев. Ему удалось вывезти из Германии такие документы, что при возможном разглашении содержимого этих бумаг США и их союзникам пришлось бы долго оправдываться перед мировым сообществом не только за своё участие в расхищении «еврейских» и других денег в годы войны, но и отдавать ценности, осевшие в хранилищах государственных банков и частных коллекционеров на территории США, Англии, Франции, Швейцарии, законным владельцам или их наследникам.

– В следующий раз. Итак, у меня к вам две небольшие просьбы, в надежде на нашу договорённость.

Первая: деятельность вашего фонда не должны касаться территории Северной Америки вообще и США в частности. Никогда ваши интересы не должны вступать в противоречие с нашими.

И второе. Совсем пустяк. Моя организация была бы вам крайне признательна, сеньор Герлах, если бы вы время от времени ставили бы нас в известность о ваших планах и действиях.

Скажем, раз в месяц? Если вас, конечно, не затруднит. Мы не собираемся вас вербовать, в этом нет необходимости. Но, наша страна не имеет права допустить хаос и беспорядок на планете, поэтому мы обязаны всё происходящее в мире держать под контролем.

Господин Герлах, мы пока вас не трогаем ввиду известных обстоятельств, но и вы не должны забывать, что эти обстоятельства могут в любой момент измениться. Всё зависит от вашего благоразумия и лояльности.

Мне приятно было с вами побеседовать, сеньор Герлах, вот моя визитная карточка с телефоном, надеюсь скоро вас услышать. Будьте здоровы, – мистер «Джонсон» поклонился одним лишь взглядом и вышел из кафе.

9 марта 2016, Тель-Авив

– Руби скоро будет, он сейчас занимается расшифровкой записей видеокамер, потом подойдёт. А мы начнём благословясь, – начальник оперативного отдела управления полиции Тель-Авива Дэвид Меир сел за стол и приготовился записывать, – начнём с убиенного Биркнера. Шмая, я вижу, ты светишься, как серебряный шар на дискотеке, не иначе есть что рассказать и чем порадовать. Давай, не сдерживай себя.

– Ну, кое-что есть, – Долон радостно потёр руки и открыл свою папку, – по поводу Биркнера из Москвы и Буэнос-Айреса сообщили следующее: в конце 2014 года в ходе совместной операции спецслужб обеих стран был перекрыт канал поставки кокаина из Аргентины на европейский рынок с использованием дипломатических каналов. В школе при посольстве России в двенадцати чемоданах обнаружили партию кокаина весом почти 400 килограмм стоимостью в пятьдесят миллионов евро. В начале 2015 года в Аргентине, России и Германии арестовали шесть человек, предположительно причастных к контрабанде. Предполагаемый организатор канала поставок – бизнесмен из Гамбурга и бывший технический сотрудник посольства России в Берлине, арестованный в Германии в июле 2015 года. Примерно в это же время Биркнер, работающий при посольстве, спешно покидает Россию. Несколькими днями позже аргентинская разведка слила в прессу несколько распечаток прослушанных разговоров контрабандистов друг с другом и с третьими людьми, возможно заказчиками. Предполагается, что один из голосов на записи принадлежит Биркнеру. Но, доказать не удалось, поэтому он вышел сухим из воды. А, может, кто-то сверху помог закрыть дело, чтобы не подставлять Биркнера.

Связь с Гамбургом и Берлином тоже не доказали, а следовательно дело не возбудили. Странно, что Биркнера, хотя бы на основании подозрений в контрабанде наркотиков, не выгнали из министерства, а вместо этого назначили на новое место работы. Значит кто-то имеет такие рычаги давления на правительство и министерство иностранных дел, что его оставили на службе.

Есть ещё парочка интересных фактов из жизни покойника, полученных из Аргентины. Я сделал запрос о родителях, семье и вообще туда-сюда. Так вот, его дед, штандартенфюрер СС Биркнер Курт, бежал из Германии в 1945, причём из английской зоны, но больше ничего конкретно не известно. Судя по его беспрепятственному выезду, не исключена вербовка со стороны англичан, но доказательств у меня пока нет. Официально в списках нацистских преступников его тоже нет. Но, по архивным записям свидетелей тех лет, никто из офицеров райха, арестованных в американской и английской зонах, без вербовки выехать не мог. Либо вербовка, либо лагерь. Тут надо обращаться к твоим друзьям из Шабак и Моссад, я туда соваться не буду.

Теперь о школьных годах мальчика-сорванца. Школа называется «Ренасимиенто» – по испански «возрождение». Интересное такое заведение. Частное. Содержится на пожертвования из специального фонда, который и управляет всем. Директор фонда – синьора Камила Герлах, семидесяти трёх лет, дочь Кая Герлаха – основателя фонда. Матушка Герлах вообще

уникальная личность – дама уважаемая, мягко говоря не бедная, входит в десятку самых богатых людей страны, состояние по сумме всех активов как движимых, так и не очень, оценивается в девять и семь десятых миллиардов долларов. Мадам на ты со многими политиками, включая всех президентов страны за последние годы. Короче, что называется дама из высшего общества – просто так не подступиться и на кривой кобыле не подъедешь. Так вот, отец её тоже прибыл из Германии в 1945 году, предположительно тоже из беглых, но по документам – чист, как утренняя роса. И приехал наш идальго похоже не налегке, а скорее всего с приданным. Короче, именно он в 1949 году основал фонд поддержки детей-сирот немецких беженцев и прочих одарённых детей. Очень интересный фонд. Но, тут опять тупик, одни слухи, ничего конкретного. Только то, что он финансировал образование школы, где обучаются преимущественно дети выходцев из Германии, в основном бывших офицеров вермахта и СС. Они же назначают стипендии для обучения выпускников в лучших университетах мира. Наш Биркнер оттуда же.

Дальше. Из Стэнфорда тоже ничего особенного. Глухо, как в танке: учился хорошо, не привлекался, не участвовал, не замечен, с женщинами лёгкого поведения не общался. С мужчинами, если интересует, тоже.

И ещё интересный факт из последних дней жизни покойника: пару недель назад Биркнер был в Газе, встречался с тамошними отморозками из Хамаса. Официально – оказание гуманитарной и образовательной помощи, но мы то знаем этих «помощников». Наверняка, готовили очередную мерзость.

Так что, за спиной Биркнера маячат и аргентинская разведка, и мадам Герлах с её школой. Кто больше, судить не берусь.

– Интересно. Что-то мне всё меньше нравится это дело, – Дэвид уже давно перестал записывать и всё больше хмурился и смотрел задумчиво в окно, – Шмая, мне тут одна идея в голову пришла. Если Биркнер – выпускник этой школы, проверь-ка ты, не въезжал ли кто-то ещё из птенцов этого дурно-пахнущего гнезда в страну за последние, скажем, две-три недели.

– Дэвид, уже проверил.

– Какой же ты у меня умница! Был бы женщина – поцеловал. И что? Говори, не томи.

– Ну, я проверил даже последние восемь недель, за это время никто из бывших учеников школы границу Израиля не пересекал. Но! Есть кое-что другое: в Израиле уже давно проживают два других выпускника школы разных лет. Один из них уже семь лет женат на израильтянке, и у них небольшой цветочный магазин в Натании и четверо детей. Другой – летает повыше: он начальник отдела поставок в электронной корпорации «Чек Поинт Софтваре». Наверняка, служебные командировки по всему миру. И прилагающиеся к этому возможности. Не женат, детей нет, живёт один.

И ещё, не знаю, пригодится или совпадение, но за последний год были убиты ещё три выпускника этой злополучной школы. Ребята из технического отдела прокачали всех известных им выпускников «Ренасимиенто». Так вот за год убиты сотрудник компьютерной компании в Гонконге, ювелир в Льеже, Франция и инженер металлодобывающей компании в Венесуэле. Связи они не нашли, но везде убитые были казнены похожим способом, как Биркнер. Вот такие дела.

– Ладно, похоже пришло время побеспокоить коллег из смежных фирм. Шмая, оставишь мне все твои наработки, я ещё раз посмотрю и подумаю, к кому обратиться из специальных ведомств. Что по девушке из Москвы?

– Ничего. Вообще. Так и сказали: «ничего». Очень странно. Ни с кем жила, ни счета в банках, ни штрафы за неправильную парковку. Стерильно. Только места прописки из паспортных столов двух городов пребывания. И это за полтора года проживания в стране. Тебе не кажется, что её данные из базы либо убрали, либо засекретили? Или девочка такая примерная, что, ну просто Красная Шапочка и Белоснежка в одном лице. Образец целомудренности.

Вот такие дела.

– Спасибо дорогой, ты умеешь настроение испортить. Ладно. Всё равно молодец, умница. Мириам, что у тебя?

– Боюсь твоё настроение испортится ещё больше. В русском экскурсионном бюро сказали, что Мари Галан была на свободной ставке и работала, когда заказывали лично её, что случалось нечасто. Ещё писала планы экскурсий для бюро, за что и получала зарплату. Интересно, что за два года она провела целых две экскурсии с туристами из Российской Федерации и Германии, и написала аж один план. Заработала по официальным данным целых пять тысяч шекелей. Не густо за два года.

Теперь по эскорт-агентству. Очень интересное заведение. Хозяйка – приехала из Эфиопии тоже по программе «Наале», как и Галан, двенадцать лет назад. Здесь получила два высших образования: физмат и история искусств. Круто, не правда? Чернокожая красотка, глаза и фигура – не оторваться, ноги – вызывают комплекс неполноценности, интеллект – можно позавидовать. Короче, на кривой кобыле не подъедешь. Но, я тоже не промах. И, кстати, ноги у меня – тоже ничего, если ты заметил. В общем, пришлось проявить все свои недюжинные способности, шикарную внешность плюс пистолет. Шутка.

Смущает то, что и там всё похоже на экскурсионное бюро: наша девушка работает только по персональному вызову. За время работы такое случалось нечасто. Несколько раз. Кто был клиентом – хозяйка не знает, но деньги в кассу каждый раз были заплачены немаленькие. Сколько – без постановления прокуратуры мадам не говорит, ссылаясь на тайну о доходах.

Своих клиентов хозяйка тоже не выдаёт, ссылаясь теперь уже на профессиональную тайну. Издевается, короче. Я её вызвала повесткой на завтра к нам. К тому времени, Дэвид, мне нужно прокурорское разрешение на просмотр всех компьютерных файлов агентства и разрешение на прослушку. Если получится, надо договориться с налоговым ведомством, пусть устроят внеплановую проверку, припугнут по-взрослому, может таким образом удастся сделать мадам по-сговорчивей. Всё-таки серьёзное уголовное дело с убийством дипломата – я думаю, налоговики пойдут на встречу.

– Да, немного получается. Какие-то сплошные тупики. Хорошо, я посмотрю, что можно будет сделать по твоей просьбе. Что со вторым телефоном нашей золушки?

– Значит так: звонков было не много, в основном входящие без определителя номера, мы их скоро вычислим. Исходящие – ничего особенного: эскорт-агентство, заказ еды в итальянском ресторане, справочная аэропорта. Последний – звонок от Биркнера, с его номера звонили всего один раз. Всё, больше ничего интересного. Вот такие дела. А ты как сходил в больницу?

– Девушка прооперирована, пришла в себя, чувствует себя хорошо. Но, ничего толком не сказала. Говорит, что вызвали по телефону на специальную встречу клиента с партнёрами. Квартиру она сняла сама по договору о найме на один день на «Букинге», стоимость аренды должна была войти в общий счёт. Биркнера раньше не знала, в квартире прежде никогда не была. Убийцу не видела, он был в маске и сразу, как только вошёл, в неё выстрелил. Она потеряла сознание, пришла в себя уже в больнице. Как видишь, не много.

Да, интересно всё с нашей красавицей. Ладно, посмотрим. А вот и наш юный друг. Руби, заходи, отдышись, попей водички и начинай делиться, что видно, что слышно, как ситуация в мире, можешь о погоде рассказать. Только смотри не испорти мне настроение ещё больше, чем есть.

– К сожалению, похвастаться нечем. Камеры зафиксировали постороннего человека, но только со спины. Примерно метр восемьдесят, нормальное телосложение, походка осторожная, а так – ничего приметного. Да, ты и сам посмотришь. Компьютерщики говорят, что его профиля осанки в их банке данных нет. Антропологические данные и стиль походки подходят к портрету примерно тысячи семисот пассажиров, из полутора миллиона человек, прилетевших за последние три недели в Израиль и прошедших через систему первичного и вторичного

визуального контроля в аэропорту. Начнём проверять каждого – вспотеем бегать. И это не считая водных и наземных путей въезда в страну.

Зашёл он через подземный гараж, на лифте до этажа, а там и в квартиру. На лестничных площадках камер нет – частная жизнь. Самое интересное, что ни одна из камер в здании не заметила, как и когда он вышел. Очевидно, убийца просчитал все камеры на входе и знал, как их обойти на обратном пути. Так что, время пребывания в квартире точно определить невозможно. Между вызовом еды и его приходом семь минут. Между заказом в ресторане и звонком охранника в полицию пятьдесят четыре минуты. Значит, у него было не меньше сорока семи минут. Много.

Камеры наблюдения на въезде зафиксировали только машину Биркнера и саму Мари Галан, которая приехала на такси. Больше ничего. Камеры слежения на ближайших улицах тоже ничего подозрительного не заметили.

Я запросил все компании телефонной мобильной связи, чтобы определить, кто находился в это время в данном месте с точностью до пяти метров. Наши техники проверили все данные – неизвестные номера в этот момент там не находились. Очевидно, убийца это предусмотрел и у него не было с собой телефона.

Соседи ничего определённого сказать не могли. Жильцов квартиры никто никогда не видел. Однако, сосед снизу утверждает, что месяц назад слышал на террасе тихие голоса двух мужчин, говорящих, как он предполагает, на русском языке. Я дал ему послушать русскую речь из интернета, он сказал, что похоже, но не уверен. Её можно спутать и с болгарской, и с польской речью, да и со многими славянскими языками. Так что, не факт.

По поводу денег по оплате покупки квартиры. Ты был прав. Счета во Франции и Люксембурге принадлежат двум фирмам-однодневкам, основанным на Кипре, короче, сработано без следов.

Теперь по подписям на договоре. Они, конечно, поддельные, но нарисовано классно. Графолог по стилю письма и наклону букв предполагает, хоть и не стопроцентно, что тот, кто их подделывал, славянин.

– Так, интересно. Всё-таки российский след? Или наши местные советские «гости Израиля»? Ладно, оставь мне всё, я ещё раз пересмотрю. Теперь так: Мириам, ты занимаешься дальше по плану своей шоколадной соблазнительницей из агентства. Выжми из неё всё, но не увлекайся. И смотри, не вздумай менять место работы, когда узнаешь, сколько они зарабатывают. Шутка. Просто, ты мне тут нужна. И не только из-за твоих красивых ног.

Шмая, на тебе школа «Ренасимиенто». Покопайся ещё, может что-то всплывёт. Зайди в технический отдел к Натану Леви, попроси, чтобы он помог поискать в закрытых источниках, он сумеет влезть в любое ведомство. Только делайте всё тихо, деликатно и аккуратно, не засветитесь. Скажешь Натану, я лично попросил. Да, и купи ему пару пирожных, он станет сговорчивее.

Руби, теперь тебе боевое задание. Мне надо знать всё об этих двоих выпускниках школы, живущих в стране. Когда приехали, где учились, семьи, дети, любовницы. Счета в банках, выезды за границу, контакты, связи, короче, всё. Даю тебе неделю.

А теперь давайте попробуем порассуждать, что мы имеем со всей этой беготни и головной боли, кроме геморроя.

Итак, квартира. Кто покупает такое шикарное жилье в центре города и не живёт там? И не для интимных свиданий. Значит, если брать самый дерьмовый вариант, остаются спецслужбы. Тогда, чьи? Если не наши, то кто ещё? Американцы? Мы бы знали. Аргентинские товарищи? Вряд ли, Биркнер был там впервые и раньше квартирой не пользовался.

Что говорит в пользу русских? Разговор двух мужчин на террасе предположительно на русском языке. Оплата за квартиру производилась со счетов на Кипре, а этот живописный островок, как мы знаем, уже давно является кошельком для серых и чёрных русских денег.

Дальше. Раненая девушка Мари Голан приехала из России. В два года от роду. Завербовали в роддоме? Ладно, сам знаю, что не смешно. Предположим, она работает на российскую разведку. Во-первых, происхождение не пропьёшь, во-вторых, стажировка в России, в-третьих, Москва возможно скрывает какие-либо данные о ней. Да, и ещё квартира, куда она привела Биркнера, возможно «русская». Значит, мадемуазель Галан, предположительно, работает на российскую разведку. Хотя, это очень спекулятивно и притянуто за нос, но всё же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.